

САВИНЬИ И СТАНОВЛЕНИЕ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. *

В. М. БУДИЛОВ**

Будиллов Владимир Михайлович,
кандидат юридических наук,
юрисконсульт ООО «Идеал Групп»
(Санкт-Петербург — Берлин)

В начале третьего тысячелетия в российском правоведении по отношению к Ф. К. фон Савиньи произошел радикальный поворот: период гонений на его учение правоведами-марксистами сменился этапом реабилитации и все повышающегося интереса. Настоящей статьёй автор отвечает на этот интерес и отмечает двухвековой юбилей выхода фундаментального произведения Савиньи «О призвании нашей эпохи к законодательству и правоведению». Основным предметом статьи является степень влияния философии, теории и методологии Савиньи на основоположников русского правоведения в первой половине XIX в. В ходе исследования наряду со значительным влиянием Савиньи выявлено также и большое влияние на этих русских ученых противостоящих учению Савиньи идей Просвещения и философии права Гегеля.

Истоки многих современных проблем в сфере права и споров представителей различных типов правопонимания восходят к полемикам первой половины XIX в. Проецируя эти дискуссии на современность, автор пытается содействовать разрешению актуальных философских, теоретических и методологических проблем русского правоведения. Негативные стороны этатизма и рационалистически-гуманитарной интерпретации естественного права были известны уже Савиньи и его российским единомышленникам, однако сильное влияние этих типов правопонимания на российское правоведение сохраняется. Критика последних и альтернативы, выдвигавшиеся основателями русского правоведения, не потеряли своей актуальности. Также насущным автор считает опыт Савиньи и первых русских правоведов по решению проблем соотношения права с народом и его юридическими воззрениями; права с обществом, государством,

* За замечания и консультации, полученные при написании настоящей статьи, автор сердечно благодарит д. ф. н. И. В. Днепровскую и д. ю. н. А. В. Полякова.

** Budilov Vladimir Mikhailovich — candidate of legal sciences, legal counsel in LLC "Ideal Group" (St. Petersburg — Berlin).

E-mail: vbudilov@mail.ru

© Будиллов В. М. , 2014

произволом, силой, законом, правоведением, культурой и языком. Творчество В. Н. Лешкова побудило автора исследовать вопросы соотношения учения Савиньи с правовыми воззрениями ранних славянофилов. Кроме того, важной задачей настоящего исследования является углубление познания теоретической и методологической частей учения Савиньи, а также нахождение у его русских учеников положений, сохраняющих свою ценность для современного российского правоведения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Савиньи, историческая школа, русское национальное правоведеление, М. М. Сперанский, К. А. Неволин, П. Г. Редкин, В. Н. Лешков, Д. И. Мейер, исторический метод, государство, источники права, закон, народ, организм, этатизм.

BUDILOV V. M. SAVIGNY AND THE FORMATION OF THE RUSSIAN NATIONAL LEGAL SCIENCE IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

In the beginning of the third millenium there occure a dramatic change in the Russian legal science in relation to F. K. von Savigny: the period of persecution of his doctrine by the Marxist legal scholars was repalced by the period of rehabilitation and increasing interest. By this article the author reacts to this interest and celebrates the two centuries anniversary of publishing of Savigny's fundamental work "Of the vocation of our age for legislation and jurisprudence". The main theme of the article is the degree of influence of Savigny's philosophy, theory and methodology on the founders of the Russian legal sciences in the first half of the XIXth century. In the course of research together with the significant influence of Savigny, the author reveals the great influence of the ideas of the Enlightenment and Hegel philsofhy of law on the Russian scientists standing against the Savigny's doctrine.

Many current problems in the sphere of law and disputes of representatives of different types of law understanding go back to the debates of the first half of the 19th century. Projecting these discussions on the modern situation, the author tries to facilitate the solution to urgent philosophical, theoretical and methodological problems of the Russian legal science. Negative aspects of etatism and rationalistically humanitarian interpretation of the natural law have been already known to Savigny and his Russian supporters, however a strong influence of these types of law understanding on the Russian legal science still remains. The criticism of the latter and alternatives put forward by the founders of the Russian legal science are still urgent today. The author also considers essential the experience of Savigny and the first Russian legal scientists as regards solutions to such problems as correlation between law and people and their legal views; between law and society, state, arbitrariness, force, statute, legal science, culture and language. The work of V. N. Leshkov motivated the author to examine the correlation between Savigny's study and the legal views of the early Slavophiles. Moreover, an imporant task of this research is to deepen the knowledge of theretical and methodological part of Savigny's doctrine, as well as to find provisions in the works of his Russian followers which preserve their value for modern Russian legal science.

KEYWORDS: Savigny, historical school, Russian national legal science, M. M. Spe-ransky, K. A. Nevolin, P. G. Redkin, V. N. Leshkov, D. I. Meyer, historical method, state, sources of law, statute, people, organism, etatism.

ВВЕДЕНИЕ

Для истории правовых учений и философии права, для истории правоведения в целом приближается знаменательная дата: в 2014 г. исполняется 200 лет со дня выхода знаменитого произведения основоположника исторической школы права Фридриха Карла фон Савиньи «О призвании нашей эпохи к законодательству и правоведению».¹ Среди множества заслуг этого правоведа следует отметить его выдающуюся роль в научной разработке (именно в этом произведении) понятий национального права, национального единства, национальной культуры, национального государства и национального правоведения.² В России эти понятия приобрели особую актуальность в первой половине XIX в. За немаловажным исключением советской эпохи они вот уже два века не выходят из поля зрения российских правоведов.³

Как влияние Савиньи, так и отношение к этому великому немецкому правоведу в российской юриспруденции прошли несколько этапов — от рецепции до сомнений и критики. При этом до 1917 г. заслуги Савиньи в развитии правоведения признавались практически всеми учеными. После так называемой социалистической революции 1917 г. положение радикально изменилось: в России начался негативный для учения Савиньи этап.⁴ И не удивительно, ведь цели и «методы» организаторов той революции фундаментально расходились с учением исторической школы, которое было охарактеризовано К. Марксом как консервативное. Советские правоведы, следуя этой оценке, по сути, объявили историческое

¹ Savigny F. C. v. Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. Heidelberg, 1814.

² Воспользовавшись терминологической близостью учения исторической школы и философии нацизма, правоведы-марксисты утверждали, что «реакционное» учение исторической школы якобы пользовалось большим почетом у нацистов (*Юридический словарь* / под ред. С. Н. Братуся, Н. Д. Казанцева, С. Ф. Кечежяна и др. М., 1953. С. 248). Такого рода обвинения не имеют оснований. Современные исследователи доказали, что нацисты «разрушили историко-правовые исследования в Германии» и преследовали историков права. Относительно учения Савиньи эти преследования проявились, в частности, в том, что при нацистах оказалось невозможным продолжение исследования его методологии (*Rechtsgeschichte im Nationalsozialismus. Beiträge zur Geschichte einer Disziplin*. Hg. V. Stolleis u. D. Simon. Tübingen, 1989. — Цит. по: Mazzacane A. *Jurisprudenz als Wissenschaft* // Savigny F. C. v. Vorlesungen über juristische Methodologie 1802–1842. Herausgegeben und eingeleitet von Aldo Mazzacane. Frankfurt a/M, 2004. S. 3–4). Самое существенное расхождение учения Савиньи с идеологией нацизма заключается в таком фундаментальном понятии, как «народ». Савиньи, следуя немецким романтикам, понимает народ метафизически, а нацисты, исходя из своей расовой доктрины, — эмпирико-биологически. Ключевая для нацизма идея фюрерства принципиально расходится с политико-правовым учением Савиньи. Историко-правовым воззрениям нацистов противоречило также обнаруженное и отстаивавшееся Савиньи большое влияние римского права на развитие немецкого права.

³ В советскую эпоху эти понятия были в центре внимания правоведов русского зарубежья.

⁴ Этот этап продолжался до 2000 г. Большое влияние общих негативных оценок в отношении Савиньи в ту эпоху еще в наши дни дало повод утверждать, что с 1876 по 2011 г. «ничего положительного о Савиньи не сказано» (*Кутателадзе О.* Предисловие к изданию работ Ф. К. фон Савиньи, посвященных методологии исторической школы права // Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права. Т. 1 / пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М., 2011. С. 7).

правоведение Савиньи лженаукой.⁵ Вся советская эпоха была периодом гонений на учение Савиньи. Прямые и косвенные негативные последствия оппозиционного и враждебного отношения к историческому правоведению до сих пор ощутимы в правовой сфере России.⁶

Цель настоящей статьи — отметить названный юбилей, продолжив познание и реабилитацию учения Савиньи, начатые в последние годы несколькими российскими правоведами,⁷ а также определить его влияние на российское правоведение в первой половине XIX в.

В первой половине XIX в. российское правоведение существенно преобразилось. В дополнение к созданному в 1755 г. Московскому университету было открыто еще пять университетов, в каждом из которых изучалось право. Соответственно, выросло число студентов и преподавателей права. Специализация российских правоведов приблизилась к специализации их европейских коллег.⁸ Российское правоведение, с одной стороны, активно воспринимало научное наследие последних, а с другой — стало отчетливо проявлять свой национальный характер. Первые русские правоведы воспринимали влияния европейского правоведения избирательно, отчасти следуя, отчасти перестраивая господствовавшую в ту эпоху в России правовую аксиологию — тесно связанную систему сложно структурированной правовой идеологии и глубокой правовой психологии. Развитие этой системы обнаруживает связь с историей российского государства и права,

⁵ К этому необходимо добавить, что для К. Маркса и его последователей, вероятно, было ясно, что исторический метод Савиньи и его теория исторического возникновения и развития права являются альтернативным для их теории и именно безреволюционным способом разрешения социальных и политических конфликтов. Определенно же можно утверждать, что эти части учения Савиньи в публикациях ни Маркса, ни его последователей-правоведов не освещались.

Восходящая непосредственно к Марксу линия критики Савиньи в российской юриспруденции проходит через «программную» статью Н. Челябинова: *Челяпов Н. К. Маркс и историческая школа права // Советское государство и право. 1933. № 3. С. 62–71.* — Эта статья является ярким примером пагубной для всякой общественной науки попытки, во-первых, превращения конкретного исторического, но ненаучного мнения в догму, претендующую на универсальный и абсолютный исторический характер, во-вторых, установления господства этой догмы над наукой.

⁶ Если говорить о философии и теории права, то важнейшим из этих последствий является преобладание (а в советскую эпоху — господство) этатистского правопонимания. О негативных сторонах последнего кратко см.: *Поляков А. В., Тимошина Е. В. Общая теория права. СПб., 2005. С. 44–48.*

⁷ *Акчурина Н. В., Матузов Н. И. Историческое правоведение. Саратов, 2000; Омельченко О. А. Ф. К. Савиньи и манифест исторической школы права (вступительная статья) // ФЕМИС. Ежегодник истории права и правоведения. Вып. 3. М., 2002. С. 149–174; Нерсисянц В. С. Философия права. М., 2003. С. 11, 507–508; Тимошина Е. В. Историческая школа права // Козлихин И. Ю., Поляков А. В., Тимошина Е. В. История политических и правовых учений. СПб., 2007. С. 308–324; Кутателадзе О. Предисловие к изданию работ Ф. К. фон Савиньи, посвященных методологии исторической школы права. С. 6–14. — Этот перечень исчерпывающим не является. Он может быть дополнен, в частности, многочисленными трудами российских цивилистов, которые в последние годы стали часто обращаться к соответствующим разделам наследия Савиньи.*

⁸ О первом этапе российского правоведения, который с точки зрения становления именно национальной науки (по числу и национальному составу преподавателей права Московского университета, по числу студентов, по степени влияния правопонимания века Просвещения) следует считать предварительным, подробно см.: *Томсинов В. А. История юридического факультета МГУ // <http://law.msu.ru/history> (2012. 14 июля); кратко см.: *Поляков А. В., Тимошина Е. В. Общая теория права. С. 59–60.**

в особенности влиянием на нее византизма и реформ русского общественно-политического устройства XVII–XVIII вв. Под воздействием этих факторов возникла благоприятная почва для развития в раннем российском правоведении этатистского и естественно-правового типов правопонимания.⁹ Учение же Савиньи начиная с 1830-х гг. играло роль противовеса, сдерживающего влияние обоих названных типов правопонимания. В позитивно-правовой и институциональной сферах главным итогом деятельности российских правоведов рассматриваемой эпохи были либеральные реформы 1860-х гг., преобразование судебной и административной систем, обширное законотворчество. Значение рассматриваемого этапа как своеобразного генного кода российского правоведения сохраняется до наших дней. Одним из его элементов стало учение Савиньи, важнейшие положения которого были внесены в российскую юриспруденцию ее основоположниками.

М. М. СПЕРАНСКИЙ И САВИНЬИ

Значение Михаила Михайловича Сперанского (1772–1839) для российской юриспруденции справедливо сравнивают со значением Пушкина для русской литературы. В 1887 г. о Сперанском было сказано, что до него «не было законов и юриспруденции, которыми мы руководствуемся в настоящее время».¹⁰ Одно из центральных мест в его политико-правовом учении занимает концепция истинной монархии, разработанная им в 1809 г. Эта концепция «не была плодом кабинетных размышлений Сперанского или следствием некритического заимствования им чужеземных идей, а явилась результатом глубоких раздумий над решением сложных социально-экономических проблем, стоящих перед страной».¹¹ Создавая свое учение, Сперанский переработал и использовал новейшие в то время достижения европейского правоведения. Сложно говорить о влиянии немецкого ученого на воззрения Сперанского до выхода в свет работы Савиньи «О призвании нашей эпохи к законодательству и правоведению», т. е. до 1814 г. Вполне возможно, что Сперанский познакомился с этим произведением вскоре после его появления, поскольку именно после 1814 г. имя Савиньи стало широко известно среди европейских правоведов.¹² Несомненно, знал Сперанский и о другом важном произведении Савиньи — «Истории римского права в средние века».¹³ В 1830 г. Сперанский специально приезжал в Берлин для бесед с Савиньи.¹⁴ Признано, что историческая

⁹ Кратко об этих типах правопонимания см.: Поляков А. В., Тимошина Е. В. Общая теория права. С. 39–48.

¹⁰ Ильинский В. Предстоящий юбилей графа М. М. Сперанского // Судебная газета. 1887. № 8. С. 2. — Цит. по: Осипов И. Д. Истинная монархия графа М. М. Сперанского (Вступительная статья) // Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. СПб., 2002. С. 40.

¹¹ Осипов И. Д. Истинная монархия графа М. М. Сперанского. С. 23.

¹² Из опубликованных произведений Сперанского известно, что его первая ссылка на эту работу Савиньи была сделана лишь в 1833 г. (Сперанский М. М. Обзорение исторических сведений о своде законов // Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. СПб., 2002. С. 150).

¹³ Осипов И. Д. Примечания // Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. С. 633.

¹⁴ Там же.

школа права повлияла на Сперанского (в сближении формирования права и языка, выявлении народной специфики развития русского права). Однако, по мнению И. Д. Осипова, это влияние не следует преувеличивать, поскольку Сперанский вполне самостоятелен в своих выводах.¹⁵

В учениях обоих мыслителей было много общего. И тот, и другой строят свои учения на христианском мировоззрении.¹⁶ В частности, Сперанский, так же как и Савиный, находил духовное подкрепление в трудах Иоханна Таулера и Фомы Кемпийского.¹⁷ Главное творение последнего — книгу «О подражании Иисусу Христу» — Сперанский перевел на русский язык.¹⁸ Приблизительно так же, как Савиный, Сперанский в противоречии между правосознанием, нравственной культурой и наличным бытием видел симптомы болезни общества.¹⁹ Философия политики и права Сперанского, подобно учению Савиного, «была рассчитана на эволюционное изменение общества, она учитывала взаимосвязь общественных условий и политических институтов».²⁰

Е. В. Тимошиной замечено, что в объяснении исторического происхождения права Сперанский «заимствует комплекс идей немецкой исторической школы права»; что в рукописи своей работы «Сходство в образовании права с образованием языка» Сперанский «воспроизводит строй рассуждений и аргументацию» Савиного; что, «объясняя процесс происхождения права, мыслитель пользуется “органической” методологией исторической школы. Право исторически конкретного общества, по мнению Сперанского, создается “народным духом” и направляется в своем развитии Божественным промыслом».²¹

В то же время в воззрениях Сперанского и Савиного имеются и отличия, например, относительно понятия права, закона как источника права, возникновения обществ (союзов), значения обычного права, значения кодификации и оценки монархии. Сперанский, особенно в ранний период

¹⁵ Там же.

¹⁶ Подробно о Сперанском как христианском мыслителе см.: *Осипов И. Д.* Истинная монархия графа М. М. Сперанского. С. 8–19, 22, 31. — См. также высказывания самого Сперанского: *Письмо М. М. Сперанского Архиепископу калужскому Феофилакту 17 октября 1804 г.* // Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. С. 568–571; *Сперанский М. М.* 1) Философские размышления о праве и государстве // Там же. С. 180, 189–191, 201, 206; 2) Руководство к познанию законов // Там же. С. 46, 66–68.

¹⁷ Мать Савиного, принадлежа к протестантской церкви, целенаправленно с раннего детства (с трех лет) воспитывала его как христианина: читала ему Священное Писание и тексты проповедей (*Rudorff A. F. Friedrich Carl von Savigny. Erinnerungen an sein Wesen und Wirken* // *Zeitschrift für Rechtsgeschichte*. Bd. 2. 1863. S. 10–11). Связь с протестантской церковью Савиного сохранил на всю жизнь. Однако достаточно рано к протестантским воззрениям на христианство добавились католические. В значительной мере это было вызвано дружбой с католической семьей Brentano и кругом их друзей. На Кунигунде Brentano Савиный женился в 1804 г., но каждый из супругов остался верен своей конфессии (*Bethmann-Hollweg M. A. v. Erinnerungen an Friedrich Carl von Savigny als Rechtslehrer, Staatsmann und Christ* // *Zeitschrift für Rechtsgeschichte*. Bd. 2. 1862. S. 77–78).

¹⁸ *Кондаков Ю.* Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века // http://gumer.info/bogoslov_Buks/History_Church/kond (2012. 3 сент.).

¹⁹ *Осипов И. Д.* Истинная монархия графа М. М. Сперанского. С. 25.

²⁰ Там же. С. 29, 33.

²¹ *Тимошина Е. В.* Рукописное наследие М. М. Сперанского как источник исследования его правового мировоззрения // *Правоведение*. 2001. № 3. С. 221–222.

творчества, проявил себя наследником эпохи Просвещения — как сторонник теории общественного договора²² и теории разделения властей.²³ Исследование совпадений и различий взглядов обоих правоведов позволяет сделать вывод, основой которого — относительно оценки Сперанского — может служить квалификация И. Д. Осиповым его политической философии как самодержавного либерализма.²⁴ В целом можно утверждать, что относительно «либерализма» мнения Сперанского и Савиньи в основном совпадают, а относительно «самодержавия» — расходятся. При этом необходимо учитывать различия характера и целей исследовательской деятельности двух великих правоведов.

У Савиньи, по крайней мере до начала 1840-х гг., исследования являются преимущественно академическими. Савиньи — это, прежде всего, профессор права, активно преподававший, главным образом, римское право. Проанализировав огромный объем источников, он сделал ряд новаторских и фундаментальных выводов в сфере философии, теории, методологии и истории права в целом, но прежде всего в сфере римского права. Перед Сперанским же стояла грандиозная практическая задача — реформировать правовую и политическую систему России, не подвергая ее риску разрушения. На это так или иначе была нацелена большая часть его исследований. Если взять, например, соответствующие оценки им «самодержавия», то можно заметить, что Сперанский говорит преимущественно в положительном смысле именно о правотворчестве российской монархии в определенную историческую эпоху. Савиньи же отрицательно отзывался о произвольном вмешательстве в сферу права отдельных монархов, поскольку, обзрев огромную историческую перспективу, обнаружил в истории многочисленные случаи пагубных последствий этого вмешательства. Савиньи не был противником ни монархии как формы правления, ни конкретных монархов, однако результаты его исследования требовали от него критического отношения к деятельности монархов как законодателей. Указанная специфика релятивирует различия точек зрения Сперанского и Савиньи не только на самодержавие, но и на целый ряд предметов. Названные оценки и различия подлежат учету при сравнении воззрений Савиньи с идеями российских правоведов второй половины XIX — начала XX в. Сравнение же политической ориентации российских правоведов первой половины XIX в. и позиций Савиньи показывает, что широко распространенное под влиянием Маркса мнение о Савиньи как о консерваторе не столь однозначно. Ведь критика результатов произвольного правотворчества отдельных монархов в произведениях Савиньи в сочетании с его учением о народном праве и критикой крепостного права, по сравнению с господствовавшими тогда в России мнениями, были весьма либеральными.

²² Тимошина Е. В. Историческая школа права. С. 561; Сперанский М. М. О коренных законах государства // Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. С. 227–228.

²³ Тимошина Е. В. Историческая школа права. С. 561, 563–564; Сперанский М. М. Введение к Уложению государственных законов // Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. С. 350–356.

²⁴ Осипов И. Д. Истинная монархия графа М. М. Сперанского. С. 22.

РУССКИЕ УЧЕНИКИ САВИНЫ

Стажировка в Берлинском университете под руководством Савины

Кроме общности воззрений, Сперанского и Савины связывало участие в разработке знаменательного для российского правоведения проекта. Сперанский известен как главный организатор общей реформы преподавания права в 1824–1835 гг.²⁵ Он хотел, чтобы право преподавалось в университетах «подлинно по-ученому, а не по-приказнически».²⁶ В рамках реализации этого плана он организовал в 1829–1834 гг. стажировки в Германии студентов духовных академий и университетов. Следуя рекомендации Александра фон Гумбольдта, Сперанский вместе с преподавателем права Дерптского университета К. Дабеловым обратился именно к Савине с просьбой оказать содействие в проведении указанных стажировок.²⁷ Именно организация этих стажировок стала поводом встречи Сперанского и Савины.

Русские стажеры прослушали в Берлинском университете обширный перечень курсов, среди которых были лекции самого Савины, его ученика Рудорфа и его единомышленника Эйхгорна, а также и оппонентов Савины: Гегеля²⁸ и Ганса.²⁹ «Российское правительство осталось довольно результатами образовательной программы в Берлине. В 1840 г. оно наградило Ф. фон Савины за его активное участие в подготовке русских студентов орденом св. Станислава II степени».³⁰ Благодаря усилиям Сперанского и при участии Савины в России возникла система профессионального юридического образования.³¹ В результате нескольких лет целенаправленной и напряженной работы всех участников этой деятельности в России появились двенадцать русских преподавателей права и тем самым были заложены «основы дальнейшего развития новой российской правовой

²⁵ *Авенариус М.* Савины и его русские ученики. Передача научного юридического знания в первой половине XIX в. // *Древнее право.* 2005. № 1 (15). С. 110–111, 113–114.

²⁶ *Ш-н Т.* Очерк литературной деятельности даровитого и трудолюбивого юриста (О жизни и творчестве К. А. Неволина) // *Неволин К. А.* История российских гражданских законов. Ч. 1. М., 2005. С. 8.

²⁷ *Авенариус М.* Савины и его русские ученики... С. 110–111.

²⁸ Следуя марксистским оценкам, С. Ф. Кечежян установил две связи в истории философии права: во-первых, родственность оценок исторической школы Гегеля и Маркса; во-вторых, «воскрешение» и «использование в качестве идеологического оружия» «отдельных положений исторической школы права» сторонниками социологической юриспруденции — Е. Эрлихом, Р. Паундом и др. Заключительный вывод С. Ф. Кечежяна в наши дни имеет антигегельянское и антимарксистское действие: «Рассмотрение вопроса об отношении Гегеля к исторической школе права... не только раскрывает важные положения гегелевской философии права, но и помогает уяснить значение современных теорий права, развиваемых отдельными представителями империалистических реакций» (*Кечежян С. Ф.* Гегель и историческая школа права // *Правоведение.* 1967. № 1. С. 109).

²⁹ *Ш-н Т.* Очерк литературной деятельности даровитого и трудолюбивого юриста... С. 9; *Авенариус М.* Савины и его русские ученики... С. 113; *Азаркин Н. М.* Политическая и правовая мысль России первой половины XIX в. // *История политических и правовых учений / под ред. О. В. Мартышина.* М., 2004. С. 414; <http://rulex.ru/01110915.htm> (2006. 24 мая).

³⁰ *Stoll A.* Friedrich Karl v. Savigny. 1939. Bd. 3: Ministerzeit und letzte Lebensjahre 1842–1861. S. 199. — Цит. по: *Авенариус М.* Савины и его русские ученики. С. 114. — В 1830 г. Санкт-Петербургский университет присвоил Савине звание почетного члена (См.: *Официальный сайт СПбГУ.* <http://spbu.ru/faces/pochet> (2013. 23 нояб.)).

³¹ *Осипов И. Д.* Истинная монархия графа М. М. Сперанского. С. 41.

науки»; «...за созданием этой основы последовало учреждение юридических факультетов... в Санкт-Петербурге, Москве, Харькове и... Киеве...».³²

Первыми русскими учениками Савиньи были стажеры — участники разработки вышеуказанного проекта Сперанского. В какой мере они стали учениками Савиньи, т. е. его сторонниками и последователями?

М. Авенариус, исследовав творчество и деятельность этих весьма одаренных русских юристов, обобщенно оценивает их следующим образом. Несмотря на стремление правительства организовать преподавание права «в чисто позитивистском ключе»,³³ «первые русские юристы, получив образование под влиянием немецкой исторической школы, в течение долгого времени играли определяющую роль (в усвоении российской юриспруденцией западноевропейских правовых идей)». ³⁴ Заметнее всего оказалось влияние Савиньи в области «основ права»,³⁵ а именно в области философии, методологии, общей теории, а также теории публичного и частного права. Особенно сильное влияние испытали как раз наиболее выдающиеся впоследствии ученые, в частности К. А. Неволин и П. Г. Редкин (именно их способности и успехи еще при прохождении стажировки отметил Савиньи).³⁶ Однако далеко не все исследователи придают влиянию Савиньи на указанных русских правоведов вообще какое-либо значение. Например, В. С. Нерсисянц, говоря о формировании воззрений К. А. Неволлина и П. Г. Редкина, даже не упоминает ни Савиньи, ни исторической школы.³⁷

К. А. Неволин

Константин Алексеевич Неволин (1806–1855) — вначале ученик, а впоследствии сподвижник Сперанского в деле перехода от подготовки «чиновников» к преподаванию права «подлинно по-ученому». Неволин был профессором, деканом юридического факультета, проректором Санкт-Петербургского университета, членом-корреспондентом Академии наук по

³² *Авенариус М.* Савиньи и его русские ученики... С. 114–115. — См. там же дальнейшие ссылки.

³³ Эта характеристика умаляет конфликт между намерением Сперанского преподавать право «подлинно по-ученому» и намерением правительства организовать преподавание права «в чисто позитивистском ключе». Основу этого конфликта образуют философско-правовые вопросы о праве, об источниках права, о задачах правоведения и целях юридического образования. «Чисто позитивистский ключ» всякого правительства к разрешению этих вопросов свидетельствует об элитарном типе правопонимания. Подход к праву «подлинно по-ученому» сам по себе еще не означает определенного типа правопонимания. Однако в противостоянии с «чисто позитивистским ключом» правительства заявление «подлинно по-ученому» Сперанского — при всем его почтении к русскому монарху — означает отсутствие у него *культы государства*, т. е. государство у него не является *единственным правовым демиургом* (О выделенных признаках этатизма см.: *Поляков А. В., Тимошина Е. В.* Общая теория права. С. 45).

³⁴ *Авенариус М.* Савиньи и его русские ученики... С. 115.

³⁵ Там же. С. 117.

³⁶ Относительно К. А. Неволлина см.: *Луковская Д. И., Ячменев Ю. В.* Константин Алексеевич Неволин (1806–1855) // Неволин К. А. Энциклопедия законовведения. История философии законодательства. СПб., 1997. — Относительно П. Г. Редкина см.: *Авенариус М.* Савиньи и его русские ученики... С. 114.

³⁷ *Нерсисянц В. С.* Философия права. С. 511–514. — С оценкой В. С. Нерсисянцем Неволлина как умеренного гегельянца соглашается А. А. Лицук (*Лицук А. А.* Проблемы метода в философии права К. А. Неволлина // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. № 61. Вып. 6. История философии. 2008. С. 66–67).

отделению русского языка и словесности. С его именем связывают становление юридической науки в России,³⁸ в частности возникновение теории и философии права, а также науки гражданского права.³⁹

С одной стороны, считается, что из числа берлинских стажеров влияние учения Савиньи наиболее заметно в исследованиях именно Неволлина. С другой — на воззрения Неволлина большое влияние оказала философия Гегеля и Шталя⁴⁰, оппонентов Савиньи.

Одна из основных работ Неволлина — «Энциклопедия законоведения» (1839–1840) «была высоко оценена русскими юристами — современниками Неволлина и учеными более позднего времени»; этот труд «вызвал живой интерес у европейских ученых, в том числе такого ранга как Савиньи».⁴¹ Признано, что в этом первом в России оригинальном произведении по теории и философии права⁴² «проведены... начала исторической школы права».⁴³ Другое фундаментальное произведение Неволлина — «История российских гражданских законов» (1851) — заложило основы науки гражданского права в России.⁴⁴ Однако этот труд сыграл также важную роль в становлении российской методологии правоведения. Развитию этой сферы Неволлин придает большое значение. Он признает, что одна из главных причин «неуспешного преподавания» в России истории законов заключалась в том, что «историческая метода изучения законов, оказавшая замечательные успехи в самой Германии только в первой четверти текущего столетия, не могла еще сделаться у нас известною», и, признавая успешность реформы юридического образования, тут же пишет: «Профессорские места в университетах были замещены молодыми людьми, изучившими, под руководством главы исторической школы законоведения, всю ее методу... историческая метода сделалась у нас господствующею в университетском преподавании законов».⁴⁵

Итак, с одной стороны, установлено, что «К. А. Неволлин стремился к распространению идеи исторической школы в российской юриспруденции».⁴⁶ С другой стороны, признано также, что «Энциклопедия законоведения» одновременно укореняла «на российской почве теоретические схемы и модели философии права Гегеля».⁴⁷ В справочной литературе утверждается: «Неволлин — последователь Гегеля, хотя не безусловный».⁴⁸ Эти утверждения в значительной мере верны. Действительно, влияние Гегеля на Неволлина можно предполагать по обширному перечню вопросов.⁴⁹ Рассмотрим

³⁸ Луковская Д. И., Ячменев Ю. В. Константин Алексеевич Неволлин (1806–1855). С. 3; Тимошина Е. В. К. А. Неволлин // Козлихин И. Ю., Поляков А. В., Тимошина Е. В. История политических и правовых учений. С. 598.

³⁹ Тимошина Е. В. К. А. Неволлин. С. 598.

⁴⁰ Луковская Д. И., Ячменев Ю. В. Константин Алексеевич Неволлин (1806–1855). С. 6.

⁴¹ Там же. С. 8, 9.

⁴² Тимошина Е. В. К. А. Неволлин. С. 598.

⁴³ Луковская Д. И., Ячменев Ю. В. Константин Алексеевич Неволлин (1806–1855).

С. 10.

⁴⁴ Тимошина Е. В. К. А. Неволлин. С. 598.

⁴⁵ Неволлин К. А. История российских гражданских законов. Часть первая: Введение и книга первая о союзах семейственных. М., 2005. С. 210.

⁴⁶ Авенариус М. Савиньи и его русские ученики... С. 118.

⁴⁷ Луковская Д. И., Ячменев Ю. В. Константин Алексеевич Неволлин (1806–1855).

С. 10.

⁴⁸ Философия и энциклопедия права // <http://rulex.ru/01272035.htm> (2007. 6 нояб.).

⁴⁹ В рамках данной статьи мы имеем возможность привести лишь схематично примеры этого влияния: важнейший источник права — закон (§ 8, 11, 26–28, 35–39);

некоторые из них подробнее на предмет расхождения воззрений Неволлина и Савиньи.

Вера в Бога, как можно ожидать, должна была бы объединить мировоззрения Неволлина и Савиньи: оба ученых являются христианами. Однако тут же приходится говорить об их различиях. В своем понимании Бога и его связи с бытием Неволлин следует, главным образом, абсолютному идеализму Гегеля, и эти ключевые мировоззренческие позиции он закладывает в основу своего правопонимания, концепцию которого он изложил во вступительном отделении «Энциклопедии». Исходным же понятием этой концепции является понятие правды: «Точным и твердым образом существование правды может быть определено только в философии... Коренным положением во всякой истинной философии есть положение, что бытие полное и независимое принадлежит одному Богу; все другое, что ни существует, истинно существует только потому, что находится в какой-нибудь связи с Божественным».⁵⁰

В дополнение к приведенной выше характеристике Савиньи как христианина необходимо сказать, что на его воззрения в берлинский период большое влияние оказало общение с философом, либеральным теологом и основателем современной герменевтики Ф. Шлейермахером. Существенное для этого влияния нововведение Ф. Шлейермахера, отличающее его теологическое учение от теологических воззрений Гегеля, заключается в следующих пунктах.

А. Л. Вольским установлено, в частности, что Ф. Шлейермахер отделил религию от метафизики и морали, которые онтологически вторичны по отношению к ней. Религия, по Шлейермахеру, заключается в чувстве и созерцании бесконечного, т. е. осознании Бога в индивидуальном и непосредственном, но конечном и несовершенном опыте. Религиозные догматы и благочестивые поступки в религиозном отношении обосновываются этим чувством и являются по сравнению с ним вторичными.⁵¹ Вероятно, именно эти нововведения оказали влияние на мировоззрение Савиньи. Несомненно, близость им он проявил, отвечая на фундаментальный философско-правовой вопрос о бытии права: «Необходимость и бытие права является следствием несовершенства нашего состояния, однако не случайного, исторического несовершенства, а такого, которое нераздельно соединено с современной ступенью нашего бытия».⁵²

Итак, Неволлин свое представление о Боге, его связи с бытием и правом непосредственно включает в свою теорию права, закладывая это представление в основу «законоведения». Для Савиньи вера в Бога является,

доминирование этатистского подхода (§ 30, 37); сомнение в самостоятельности право-ведения, поскольку «существование правды может быть определено только в философии» (§ 12); второстепенное значение обычного права (§ 47–52). В главе «О происхождении и постепенном образовании законов со стороны их содержания» в пунктах «Семейство», «Гражданское общество» и «Государство» мы видим влияние части «Нравственность» «Философии права» Гегеля. Далее, вероятно, под влиянием Гегеля в историческую цепь «происхождения и постепенного образования законов» между пунктами «Семейство» и «Гражданское общество» Неволлин включил элемент «Род» (Глава II, § 71–76) (Неволин К. А. Энциклопедия законоведения // Неволлин К. А. Энциклопедия законоведения. История философии законодательства. СПб., 1997).

⁵⁰ Там же. С. 33–34.

⁵¹ Вольский А. Л. Фридрих Шлейермахер и его герменевтическая теория // Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб., 2004. С. 20.

⁵² Savigny F. C. v. System des heutigen römischen Rechts. Bd. 1. Berlin, 1840. S. 332 (далее — Savigny. System).

прежде всего, его личным опытом познания Бога. Что же касается права и правоведения, то в его фундаментальных произведениях мы находим лишь редкие отголоски этого опыта. Он утверждает, что бытие права лишь косвенно связано с индивидуальным и несовершенным опытом познания Бога.

В философско-правовом плане важнейшее расхождение Савиньи и Невалина заключается в вопросе веры в нравственный прогресс человечества. Невалин воспроизводит типичные заблуждения сторонников этой веры: исходя из рассмотрения относительно короткого исторического периода делается ошибочный вывод обо всей истории,⁵³ а из наблюдения прогресса в сфере техники неправомерно заключается о прогрессе в прочих сферах человеческого бытия и деятельности.⁵⁴ Наличие или отсутствие веры в нравственный прогресс человечества всегда оказывает существенное влияние на философско-правовые воззрения. Невалин, ведомый этой верой и вторя Гегелю, удаляется от реальности: «...порядок жизни общественной, один раз возникший и потом непрерывно совершенствующийся, раскрывает идею добра во всех ее направлениях и ее существование делает необходимостью. Все здесь становится произведением нравственности, все совершается для целей разумных и с сознанием».⁵⁵

Совершенно иначе у Савиньи. Проведя глубокое исследование обширного исторического материала, он делает критические выводы относительно различных прошедших эпох, а также о современной ему эпохе; напротив, наиболее высокие оценки он дает именно «изначальному» праву республиканской эпохи Древнего Рима и отдельным правовым институтам средневековой Германии. При этом в большей мере Савиньи акцентирует внимание не на результатах, а на методах творцов права прошлых эпох.⁵⁶ Из этого определенно следует, что вера в постоянный нравственный прогресс Савиньи была чужда.

Если же абстрагироваться от рассмотренного расхождения, то тут же можно обнаружить точки соприкосновения воззрений Невалина и Савиньи. Органическому пониманию народа Савиньи вторит органическое воззрение на общество Невалина, сохраняющее свою ценность для современной российской философии права: «...организм жизни общественной сам в себе способен⁵⁷ быть достойнейшим, сильнейшим и величественнейшим проявлением и выражением Божественного... без единства не может быть общества, без разнообразия общество не может быть целым живым, гармоническим».⁵⁸

В сфере теории права важнейшим пунктом разногласий Савиньи и Невалина является вопрос о значении государства. Д. И. Луковской

⁵³ Невалин пишет: «Что испытал, открыл, довел до совершенства один человек, один народ, один век, то становится теперь общим достоянием... Общее наследие передается таким образом из рода в род, и притом всегда с новым приращением» (Невалин К. А. Энциклопедия законоведения. С. 40).

⁵⁴ Невалин тут же продолжает: «Человечество все более и более освобождается из-под владычества природы, все более и более преуспевает на пути своего усовершенствования физического, умственного, эстетического, нравственного, политического, религиозного» (Там же).

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Савиньи Ф. К. фон. О призвании нашего времени к законодательству и юриспруденции // Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права. Т. 1. С. 128–135, 186.

⁵⁷ Модальность, привносимая этим «способен», — существенная поправка к представлению Невалина о вере в нравственный прогресс человечества.

⁵⁸ Невалин К. А. Энциклопедия законоведения. С. 38.

и Ю. В. Ячменевым замечено, что в «Энциклопедии законоведения» Неволин почти дословно воспроизводит гегелевское определение государства как действительности нравственной идеи; что свое подлинное прочное бытие права и свободы получают только в государстве. В том же духе Неволин стремится подчеркнуть разумно-волевые начала государственности как нравственного целого.⁵⁹ Расхождение с Савиньи прослеживается во всех элементах этих положений. Савиньи убежден, что позитивное право живет уже в общем сознании народа; именно народ — тот субъект, который изначально творит право, и именно народ является духовной общностью, которую он считает естественным целым.⁶⁰ Сотворение же государства, по Савиньи, является лишь видом и высшей ступенью правотворчества. Только, пожалуй, элемент «волевое начало» является общим у обоих ученых. Если, однако, считать, что «разумное» у Неволина означает «рациональное», то природа этого элемента в целом опять-таки различна. Савиньи, говоря об изначально возникновении государства, вполне научно, т. е. в высшей степени разумно, исходит из того, что письменных доказательств совершенно рационального создания государства нет. Иными словами, патента на изобретение государства никто не получал. Напротив, везде, где обнаруживается государство, уже имеется народ. Изначальное возникновение государства Савиньи приписывает возникающему в недрах народа «неудержимому стремлению» — воле самого народа придать видимый и органический образ тому, что до сих пор существовало, но было невидимым, т. е. существовало в общем сознании народа.⁶¹ Прочие мотивы возникновения указанного стремления необходимо, конечно же, принимать во внимание, но с точки зрения теории права они имеют уже второстепенное значение.

Особого рассмотрения требует вопрос о разработанной Невוליным системе источников права. Д. И. Луковская и Ю. В. Ячменев в принципе верно установили, что он при этом следует исторической школе права.⁶² Однако, принимая во внимание это утверждение, необходимо учитывать несколько деталей, обобщение которых дает основание для вывода о том, что Неволин — относительно системы источников права — последователь Савиньи, хотя не безусловный. Исходным пунктом рассмотрения здесь должны быть понятия закона и законодательства.

При сравнении двух систем источников права — Неволина и Савиньи — на первый взгляд может показаться, что Неволин полностью отвергает точку зрения немецкого ученого. Ведь там, где Савиньи говорит о позитивном и объективном праве, Неволин говорит о законах и законодательстве, причем так, как будто понятие объективного права ему

⁵⁹ Луковская Д. И., Ячменев Ю. В. Константин Алексеевич Неволин (1806–1855). С. 12–13. — Влияние Гегеля на воззрение Неволина относительно государства выявлено также Е. В. Тимошиной (Тимошина Е. В. К. А. Неволин. С. 603, 610–611). В то же время именно собственная точка зрения Неволина порой смягчает резкость этого противостояния. Д. И. Луковская и Ю. В. Ячменев подчеркивают, что Неволин, говоря о государстве, подразумевает идеальное государство, в котором уже реализовались идеи правды, закона, законности (Луковская Д. И., Ячменев Ю. В. Константин Алексеевич Неволин (1806–1855). С. 13).

⁶⁰ Комментарием к названным пунктам расхождения Савиньи и Неволина может служить § 2 «Право как выражение “народного духа”» исследования Е. В. Тимошиной (Тимошина Е. В. Историческая школа права. С. 316–324 (особенно с. 316–317)).

⁶¹ Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права. Т. 1. С. 282–286.

⁶² Луковская Д. И., Ячменев Ю. В. Константин Алексеевич Неволин (1806–1855). С. 14.

неизвестно вовсе.⁶³ Приступая к раскрытию понятия закона в начале общей части «Энциклопедии», Неволин привязывает его к понятию правды.⁶⁴ Если поверить в уникальность русского слова «правда»,⁶⁵ то получается, что Неволин и Савиньи «существо закона» и права усматривают в разных понятиях.

Однако более пристальное рассмотрение систем источников права русского и немецкого правоведов позволяет сделать вывод о том, что и в этой части своего учения Неволин лишь отчасти расходится с Савиньи.⁶⁶

Прежде всего, в своей системе Неволин различает понятия законодательства и законов в тесном смысле. Как абстрактный структурный элемент последнего понятие у Неволина сравнимо с понятием закона в системе Савиньи. Однако определения этих понятий и их роль в системах источников права у российского и немецкого ученого различны. В определении Неволина отчетливо проявляется влияние этатизма эпохи Просвещения.⁶⁷

Савиньи привязывает понятие закона к понятию позитивного права, «позитивность» которого в его учении связана не с наличием какого-либо письменного документа, закрепляющего определенное правило, а уже с «жизнью» такого правила в вере, в общем сознании народа. Итак, закон, по Савиньи, есть «позитивное право, воплотившееся с помощью языка, которому придана абсолютная власть, и чья разработка относится к наиболее благородным правам высшей власти в государстве».⁶⁸

Наряду с обнаруженным расхождением в системах источников права обоих ученых целостное изучение произведений Савиньи выявило проблему либо отсутствия четкости и завершенности, либо расхождения терминологических систем, которые он использует, с одной стороны, в своих фундаментальных трудах «О призвании нашего времени к законодательству и юриспруденции» (1814) и «Системе современного римского права», а с другой — в своих лекциях, особенно ранних.⁶⁹ Дело в том, что в последних Савиньи часто говорил о законах в смысле объективного права,

⁶³ Неволин К. А. Энциклопедия законовведения. С. 33, 43, 48, 49, 67, 76, 77.

⁶⁴ Там же. С. 33–34.

⁶⁵ Во второй половине XIX в. в русской философии большое влияние приобрело превозношение Н. К. Михайловским русского слова «правда»: «Такого слова нет, кажется, ни в одном европейском языке. Кажется, только по-русски правда-истина и правда-справедливость называются одним и тем же словом и как бы сливаются в одно великое целое» (Цит. по: *Зеньковский В. В.* История русской философии. Т. 1. Ростов н/Д, 2004. С. 421). Закрепленное В. С. Соловьевым и П. А. Флоренским, это мнение, по сути, поддерживается до сих пор (*Губарева Т. В.* Язык и право. М., 2004. С. 21 (Т. В. Губарева ссылается на работу В. С. Соловьева: *Соловьев В.* Национальный вопрос. Вып. 2. СПб., 1891); *Флоренский П. А.* Столп и Утверждение Истины. М., 1914).

⁶⁶ Похожий вывод о близком предмете, т. е. преобладающем влиянии именно Савиньи и незначительном влиянии Гегеля на взгляды Неволина на «происхождение общественных законов», может быть сделан на основании исследования Е. В. Тимошиной (*Тимошина Е. В.* К. А. Неволин. С. 606–609).

⁶⁷ Неволин пишет: «В противоположность обычаям закон есть прямое и непосредственное объявление властью общественной своей воли о том, как должны поступать лица ей подчиненные... Закон творит правило для действия вдруг... В законе выражается правило непосредственно, ясными словами, в обычае — посредством деяний» (*Неволин К. А.* Энциклопедия законовведения. С. 52).

⁶⁸ *Savigny. System.* S. 39. — См. также: *Савиньи Ф. К. фон.* Система современного римского права. С. 295.

⁶⁹ Первые русские ученики Савиньи не только были знакомы с его работой «О призвании...», но и слушали его лекции.

а юриспруденцию называл как правоведением, так и законоведением (*Gesetzgebungswissenschaft* — наукой о законодательстве).⁷⁰

Фундаментальный труд Неволина «История российских гражданских законов», опубликованный в 1851 г., служит надежным подтверждением родственности философско-правовых воззрений Неволина и Савиньи. Более того, в этом произведении можно заметить усиление влияния Савиньи. Значительная часть этой работы была написана после опубликования в 1840–1841 гг.⁷¹ первых пяти томов «Системы современного римского права» Савиньи.⁷² Необходимо подчеркнуть, что речь идет именно о влиянии, поскольку Неволин вполне самостоятелен не только в отношении основного предмета, но и в своих общетеоретических и исторических выводах. Особенно примечательным в этом смысле является «Введение»: § 1–7 структурно и методологически⁷³ очень близки первой главе (§ 1–3) Т. 1 «Системы современного римского права» Савиньи; § 10–14 (раздел II) и § 15 (раздел III) следуют методологическим требованиям лекций Савиньи.⁷⁴ Результаты историко-филологического исследования, осуществленного Неволиным в согласии с методологией Савиньи, сохраняют свое значение для общей теории права, истории права и истории правовых учений. Параграф 1 в произведении Неволина носит название «Значение слов: гражданские законы», однако в действительности в нем рассматривается важная сторона до сих пор актуальной проблемы — приобретения большого влияния юридического позитивизма. Учитывая поддержку этого типа правопонимания Неволина, приведем основные его выводы, которые, по нашему мнению, не только подлежат применению к гражданским законам и гражданскому праву, но и должны быть учтены при раскрытии понятий «положительного законодательства» и права, а кроме того, позволяют верно интерпретировать использование Савиньи, а также другими учеными той же эпохи терминов «закон», «законодательство» и «наука о законодательстве».

В первых строчках основного текста «Истории» Неволин пишет: «С начала текущего столетия до тридцатых годов его, название гражданских законов у наших законоведцев обыкновенно принималось в обширнейшем смысле и означало если не весь круг законов, действующих в государстве, то по крайней мере наибольшую часть их, именно все вообще законы, которые занимаются определением прав и обязанностей, существующих в государстве как в отношениях отдельных лиц друг к другу, так и в отношениях между отдельными лицами и целым государством».⁷⁵

⁷⁰ Savigny F. C. v. Anleitung zu einem eigenen Studium der Jurisprudenz. Nachschrift J. Grimm // Savigny F. C. v. Vorlesungen über juristische Methodologie 1802–1842. Herausgegeben und eingeleitet von Aldo Mazzacane. S. 137–146.

⁷¹ Последующие три тома вышли в 1847–1849 гг.

⁷² Неволин К. А. Предисловие к первому изданию истории российских гражданских законов // Неволин К. А. История российских гражданских законов. Часть первая: Введение и книга первая о союзах семейственных. С. 178.

⁷³ Очевидно, воспринятый от Савиньи тезис о постепенном образовании «законов» стал основополагающей идеей системы источников права Неволина уже в Энциклопедии (Неволин К. А. Энциклопедия законоведения. С. 48–56).

⁷⁴ Название раздела II «Разработка истории русских гражданских законов в сочинениях» содержит одновременно ценную интерпретацию термина методологии Савиньи *literarisches Studium*, а название раздела III «Разработка истории русских гражданских законов преподавателями посредством уроков» — термина Савиньи *akademisches Studium* (Неволин К. А. История российских гражданских законов. С. 197, 208; Savigny F. C. v. Anleitung zu einem eigenen Studium der Jurisprudenz. Nachschrift J. Grimm. S. 174, 194).

⁷⁵ Неволин К. А. История российских гражданских законов. С. 179.

В подстрочных примечаниях он, помимо прочего, комментирует: «Положительное законодательство известного государства римляне вообще называли гражданским правом (*jus civile*) этого государства и разделяли его право на право публичное (*jus publicum*) и право частное (*jus privatum*)... Хотя римляне гражданским правом вообще называли положительное законодательство всякого государства, но в особенности так называли они свое законодательство».⁷⁶

Сторонники юридического позитивизма фактически отождествляют право с законом.⁷⁷ Как показал Неволин, иначе было у древнеримских юристов: все положительное законодательство, т. е. не только законы в узком смысле, они называли гражданским правом. Правило интерпретации терминов «закон», «законодательство» и производных от них терминов, особенно в указанную Невוליным эпоху, может иметь следующий вид: если из высказывания, содержащего названные термины, не следует с определенностью, что они означают «закон», «законодательство» и т. д. в узком смысле, то необходима проверка обширного контекста данного высказывания для выяснения вопроса, не означают ли эти термины здесь права в объективном смысле. В «Истории российских гражданских законов» Неволин использует названные термины именно в установленном широком смысле.⁷⁸

Определение Невוליным понятия права «вообще»⁷⁹ близко определению Савиньи понятия субъективного права.⁸⁰ Неволин определяет право «вообще» как основанную на правде власть, принадлежащую одному лицу по отношению к другому.⁸¹ Благодаря установленным понятийным связям можно заметить, что у Неволлина модель соотношения понятий внутренних начал правды, внешних начал правды (во внешнем обществе) и положительного законодательства⁸² близка отстаиваемой Савиньи модели соотношения соответствующих понятий народного духа, народного права (убеждения народа) и объективного права.⁸³ Иными словами, аналогом понятий, которые Неволин и многие другие русские философы права обозначали возвышенным словом «правда», в учении Савиньи об источниках права является понятие, обозначаемое термином *Recht*, т. е. «право», или терминами с его использованием. Этот вывод имеет значение, главным образом, для верного толкования понятия, обозначаемого Савиньи термином *Volksrecht*, который обычно переводится как «народное право».⁸⁴ Понятию

⁷⁶ Там же. С. 180, 181.

⁷⁷ Поляков А. В. Юридический позитивизм (правовой этатизм): Г. Ф. Шершеневич // Козлихин И. Ю., Поляков А. В., Тимошина Е. В. История политических и правовых учений. С. 718.

⁷⁸ Неволин К. А. История российских гражданских законов. С. 179–185 (§ 1, 2); С. 194 (§ 6).

⁷⁹ Уже в своей «Энциклопедии» Неволин обращает внимание на различные значения термина «право»: 1) «как известное качество лица», т. е. субъективное право; 2) «в смысле закона, законодательства, учения о законах (например, римское право)» (Неволин К. А. Энциклопедия законоведения. С. 42–44).

⁸⁰ Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права. С. 278.

⁸¹ Неволин К. А. Энциклопедия законоведения. С. 42. — Определение Савиньи субъективного права также привязано к понятию власти, но оно в большей мере универсально и гибко: «власть отдельного лица», сфера, в которой господствует его воля, и господствует с нашего согласия (Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права. С. 278).

⁸² Луковская Д. И., Ячменев Ю. В. Константин Алексеевич Неволин (1806–1855). С. 13.

⁸³ Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права. С. 282–283.

⁸⁴ Еще раз подчеркнем, что уже это «право» Савиньи считает позитивным.

Volksrecht Савиньи в системе источников права Неволина очень близко понятие, которое он называет «внешними началами правды в народе».

Историко-филологическое исследование понятий права и правды в правоведении показывает, что уникальность русского слова «правда» заключается не в том, что оно обозначает,⁸⁵ а в том, что оно не обозначает. Правда в русской философии права традиционно противопоставляется, по крайней мере, «неправому»⁸⁶ праву: нормативным актам и актам применения права, юридическая сила которых основывается исключительно на формально правильной процедуре, а также таким, исходящим от обладателя верховной власти, актам, чья юридическая сила основывается исключительно на неограниченных полномочиях индивидуального или коллективного верховного правителя.

Лишь исходя из методологии и философско-правовой позиции Неволина, а также общей идеи и структуры «Истории российских гражданских законов», принимая во внимание вышеприведенные положения и учитывая отмеченные расхождения, можно утверждать, что применительно к русскому праву он пытается проводить учение Савиньи не исключительно, а лишь в значительной мере.⁸⁷

П. Г. Редкин

Петр Георгиевич Редкин (1808–1891) — до 1848 г. профессор Московского университета, с 1863 г. профессор, в 1873–1876 гг. также и ректор Санкт-Петербургского университета. Относительно Редкина в справочно-биографической литературе особо подчеркивается, что после стажировки в Берлине он приккнул «не к исторической школе права, а к философской системе Гегеля... в области права его всего более привлекали воззрения Тибо».⁸⁸ В Московском университете Редкин преподавал философию права

⁸⁵ В частности, немецкое слово *Recht* в историко-органическом типе правопонимания также может иметь значение справедливости и истины в смысле истины, установленной судом.

⁸⁶ Подробнее о свойстве «правоты» права см.: Поляков А. В. Может ли право быть неправым? Некоторые аспекты дореволюционного правопонимания // Правоведение. 1997. № 4. С. 83–101.

⁸⁷ См.: Неволин К. А. История российских гражданских законов. § 2. Понятие истории русских гражданских законов (С. 184–186); § 5. Порядок изложения истории русских гражданских законов (С. 192–193); § 7. Пособия к изучению истории русских гражданских законов (С. 194–196); § 15. Разработка истории русских гражданских законов преподавателями посредством уроков (С. 210). — Несколько иного мнения придерживается С. В. Третьяков. В качестве аргумента в пользу частичного расхождения взглядов Неволина с исторической школой он избрал его высказывание, которое, по нашему мнению, свидетельствует о противоположном: ученый подчеркивает, что Неволин якобы сознательно расходится с исторической школой, когда он отказывается от рассмотрения правовых явлений, если о них не сохранилось четкого указания в источниках права (Третьяков С. В. К проблеме использования исторической аргументации в цивилистической догматике (Вступительная статья) // Неволин К. А. История российских гражданских законов. Ч. 1. Введение и книга первая о союзах семейственных. С. 42). Однако, с нашей точки зрения, указанное мнение Неволина является попыткой интерпретации знаменитого тезиса Савиньи о невидимом возникновении позитивного права. С одной стороны, Савиньи подчеркивает, что этот тезис является его предположением, поскольку документальные доказательства этого возникновения отсутствуют. С другой стороны, научно познаваемые основания для этого тезиса существуют: из интерпретации многих первых источников права следует, что позитивное право в определенном народе существовало уже до появления этих источников. Ср.: Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права. С. 282–284.

⁸⁸ *Русский биографический словарь* // <http://rulers.ru/01170469.htm> (2007. 23 нояб.).

«в духе Гегелева учения».⁸⁹ «Со временем вступления П. Г. Редкина в Санкт-Петербургский университет совпало коренное изменение самых оснований его философского мирозерцания: прежде убежденный гегельянец, он перешел на сторону позитивизма, хотя ему и не удалось совершенно отделиться от влияния Гегеля».⁹⁰

Тем не менее у Редкина даже в московской период его деятельности можно найти элементы учения Савиньи или близкие ему воззрения. Так, вероятнее всего, название и основная идея одного из его наиболее значительных произведений этого времени — речи «Какое общее образование требуется современностью от русского правоведа?»⁹¹ — взяты им из работы Савиньи «О призвании нашей эпохи к законодательству и правоведению». Редкин, поясняя название своей речи, дает одновременно верный ключ к пониманию основной идеи произведения Савиньи: «...с большей определенностью поставленный... вопрос можно выразить так: “Что требуется от Русских правоведцев наукою и жизнью в современном их состоянии и по отношению к потребностям нашего времени и нашего отечества?”»⁹² Влияние Савиньи можно увидеть, в частности, в позиции Редкина относительно источников права, и особенно права юристов.⁹³ Близким к идеям Савиньи является воззрение Редкина на методы исследования права,⁹⁴ на развитие «правды» у народа.⁹⁵ Редкин в указанной речи высоко оценил появившуюся в начале 1840-х гг. «Систему современного римского права» Савиньи. По его мнению, Савиньи, как и задумывал, создал произведение, в котором исчезло все личное, временное.⁹⁶

В качестве образца того, «как возделывать науку русских юридических древностей», Редкин называет работу Якова Гримма «Немецкие правовые древности» («*Deutsche Rechtsalterthümer*») (1828),⁹⁷ которая основывается на философии Савиньи и следует его методологии.

Представление Редкина о важности филологии для правоведения сформировалось под влиянием Бека — единомышленника Савиньи.⁹⁸ О периоде, когда влияние учения Савиньи было наиболее сильным, Редкин сказал: «...в наше время правоведение, как наука, наиболее процветает в Германии...».⁹⁹

Заключительное обобщение Редкина в названной речи также близко воззрениям Савиньи на значение правоведения, сословие юристов и юридическое образование: «...общее образование, требуемое современностью от Русского правоведа... основывается на возведении всех отдельных познаний и наук к одному их верховному началу, всех отдельных деятельностей

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же. — О критике Редкиным философско-правовых взглядов Гегеля см.: *Нерсесянц В. С.* Философия права. С. 512–514.

⁹¹ *Редкин П.* Какое общее образование требуется современностью от русского правоведа? Речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского Московского университета 15 июня 1846. М., 1846.

⁹² Там же. С. 2.

⁹³ Там же. С. 10–14.

⁹⁴ Там же. С. 15–27. — Ср.: *Savigny F. C. v. Anleitung zu einem eigenem Studium der Jurisprudenz.* Nachschrift J. Grimm. S. 159.

⁹⁵ *Редкин П.* Какое общее образование требуется современностью от русского правоведа? С. 26–27.

⁹⁶ Там же. С. 32–33.

⁹⁷ Там же. С. 63.

⁹⁸ Там же. С. 83.

⁹⁹ Там же. С. 96.

к общей деятельности человечества, всего разнообразия жизни к единству науки. Так вообще соединяется специальное образование с общим, личная и народная жизнь с общечеловеческою, практика с теорией! Так истинно образованный юрист признает... что призвание юриста есть только особая сфера общего призвания каждого гражданина и человека... Для него одно-сторонне и поверхностно то изучение правоведения, которое разъединено с прочими науками и с наукою вообще. Как член особенного сословия и как орган народной жизни, он участвует в общем деле человечества».¹⁰⁰

Однако тут же наблюдается и различие воззрений обоих ученых: Савиньи субъектом деятельности, творцом права, местом бытия права, а также субъектом и местом реализации призвания юриста считает народ, а Редкин, вероятно, под влиянием Гегеля — все человечество. При этом Редкин тут же говорит о народной жизни, т. е. четкого разграничения между народом и человечеством он здесь не проводит. Кроме этого влияние Гегеля проявляется в убеждении Редкина в том, что «юридическая правда заключается во всеобщей правде, или в истине вообще... что право становится бытием... вечным».¹⁰¹ Савиньи, с одной стороны, требует осознания индивидуальной взаимосвязи народа с «великим целым мира»;¹⁰² с другой стороны, предупреждает: «Историческое чувство¹⁰³ является единственной защитой против своего рода самообмана, который постоянно повторяется как у отдельных людей, так и в целых народах и эпохах (и который заключается. — В. Б.) в том, что мы то, что нам присуще, считаем за общечеловеческое».¹⁰⁴

Во вступительной лекции к «Энциклопедии юридических и политических наук» имя Савиньи Редкин не упоминает, однако критику философии права Шеллинга, Гегеля, Шопенгауэра и, по всей вероятности, Иеринга он ведет в согласии с учением Савиньи. Редкин вполне самостоятелен в своих выводах, но, так же как Савиньи, выступает против до сих пор имеющих место мнений, согласно которым «сила» (как насилие, произвол) и есть право,¹⁰⁵ а также против механистического понимания права.¹⁰⁶

¹⁰⁰ Там же. С. 102.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² *Savigny F. C. v. Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft.* S. 115.

¹⁰³ Понятие исторического чувства нуждается в отдельном исследовании. Этим обусловлена возможная дискуссия о «единственности» этого чувства как средства преодоления обличаемого Савиньи самообмана. Что же касается «постоянности» этого самообмана, то история дала и продолжает давать многочисленные подтверждения этого неистребимого, по мнению Савиньи, свойства у «людей, народов и эпох».

¹⁰⁴ Это предложение в переводе Г. Жигулина переведено несколько иначе (*Савиньи Ф. К. фон. О призвании нашего времени к законодательству и юриспруденции.* С. 185).

¹⁰⁵ *Редкин П. Г. Энциклопедия юридических и политических наук.* Вступительная лекция 1876/1877 года // Из лекций профессора Редкина по истории философии права в связи с историей философии вообще. Вып. 1. СПб., 1877. С. 2–6. — Главный недостаток этих мнений Редкин видит в том, что посредством их «оправдывается всякое неправое, всякая неправда и несправедливость» (Там же. С. 8). Ср., в частности: *Савиньи Ф. К. фон.* Система современного римского права. С. 283. — Проблема соотношения права и произвола приобрела в последние годы особую остроту благодаря тезисам сторонников радикального конструктивизма («действие» произвольно формирует социальные институты) и умеренного конструктивизма («в основе любого социального института лежит первоначальный произвол»). Кратко об этих современных воззрениях см.: *Честнов Л. И.* Постклассическая теория права. СПб., 2012. С. 95.

¹⁰⁶ Согласно которому «работа юриста и политика не отличается в сущности от работы инженера» (*Редкин П. Г. Энциклопедия юридических и политических наук.* С. 6).

В. С. Нерсисянц считает, что «Редкин критикует ряд положений гегелевской философии права с достаточно *либеральных позиций* (курсив автора. — В. Б.)». ¹⁰⁷ Однако, отстаивая идею высшей свободы, современный ему либерализм Редкин как раз отвергает: «К несчастью точка зрения личного блага может стать в противоположность точке зрения общего блага в социальной механике... (эта. — В. Б.) противоположность есть именно закон самых сил. В какое же положение поставит себя индивидуум к обществу, когда он скажет, что всякая идея права суть химера! В этом-то и заключается трудность реализации сказанного либерализма вообще. Для реализации самого сильного общества нужно, чтобы индивидуумы этому содействовали, для чего нужно, чтобы они согласили все свои идеалы с... идеалом общества... мышление человеческое всегда будет признавать понятие, о чем-то таком, что не есть фатальная необходимость, а есть свобода, что не есть сила, а есть право». ¹⁰⁸ Определение права самого Редкина опирается на аксиому римского права: «право есть... осуществление человечеством в действительности правды и справедливости (*justitia*)... физические законы действуют с роковой необходимостью... действие права, вообще законов нравственных продуцируется не иначе, как под условием содействия человеческого разума и человеческой свободной воли». ¹⁰⁹

Сегодня, как и 150 лет назад, актуален развивавший идеи Савиньи призыв Редкина к современным ему ученым и практикам: «Чем более... право... отождествляется с грубою силою... тем более мы, юристы, должны стоять за право, как правду и справедливость, и защищать ее от всякого насилия, откуда бы оно ни происходило и в какой бы форме оно ни проявлялось». ¹¹⁰ Для интерпретации ключевого для этого призыва термина «насилие» необходимо обратиться к учению Савиньи. Как уже указывалось выше, важное место в этом учении имеет понятие произвола. Термин «произвол» Савиньи использует по большей части в качестве философско-правовой оценки оппозиционных ему учений, рассматривающих право, по его мнению, неисторически, неорганически, механистически или спекулятивно. ¹¹¹ Аналогичное понимание «грубой силы» и «насилия» демонстрирует Редкин. Начинает он свою лекцию с описания насилия против славянских народов на Балканах, спровоцировавшего Русско-турецкую войну 1877–1878 гг., однако основное внимание уделяет философскому спору о соотношении насилия и права.

В. Н. Лешков

В 1836–1837 гг. лекции Савиньи в Берлинском университете слушал еще один выдающийся русский правовед — Василий Николаевич Лешков (1810–1881) ¹¹² — профессор (с 1842 г. ¹¹³) и декан (впервые в 1863 г.) юридического факультета Московского университета. ¹¹⁴

¹⁰⁷ Нерсисянц В. С. Философия права. С. 513.

¹⁰⁸ Редкин П. Г. Энциклопедия юридических и политических наук. С. 11–15. — Для интерпретации этого высказывания существенное значение имеет то, что оно сделано в 1876–1877 гг.

¹⁰⁹ Там же. С. 17.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ См. дополнительно: Савиньи Ф. К. фон. О призвании нашего времени к законодательству и юриспруденции. С. 142, 184.

¹¹² Каплин А. Д. Предисловие // Лешков В. Н. Русский народ и государство / сост., предисл., примеч. А. Д. Каплин; отв. ред. О. А. Платонов. М., 2010. С. 5–8, 23.

¹¹³ Адъюнкт-профессор — уже с 1839 г. (Там же. С. 8–9).

¹¹⁴ Там же. С. 21–23.

Так же как другие ученики Савиньи, этот ученый принял его методологию и основные философско-правовые позиции. Кроме того, на воззрения и творчество Лешкова оказал влияние соратник последнего по исторической школе — К. Ф. Эйхгорн,¹¹⁵ которого в большей мере, чем Савиньи, занимала германская, т. е. исторически-национальная в узком смысле, сторона немецкого права. Однако Лешков испытал также и сильное влияние Гегеля, что выразилось, например, в создании историко-философской концепции отношения личности и общества и в попытке использования гегелевского понятия «гражданское общество».¹¹⁶ По сравнению с Савиньи Лешков, в частности, в развитии права придает большее значение государству¹¹⁷ и законодательству, но меньшее — судейскому и научному праву. Однако восприятие этих гегелевских элементов сочетается у Лешкова с самостоятельными попытками их научной обработки, результаты которой показывают, что приоритетным для него остается учение Савиньи. Этот приоритет проявляется, прежде всего, в двух главных научных заслугах Лешкова.

Во-первых, Лешков был первым российским правоведом, который, выделив в теории права Савиньи ее главный институциональный элемент — народ, избрал его в качестве одного из основных предметов исследований. Фундаментальный труд «Русский народ и государство» (1858), а также ряд прочих произведений Лешкова посвящены возникновению и развитию национального права у русского народа. Проводя идеи Савиньи, Лешков отстаивает точку зрения, согласно которой «не отвлеченные проекты законов должны управлять народом, а законы, возбужденные нуждами и развитием народной жизни».¹¹⁸ Эти слова Лешкова наилучшим образом обобщают наиболее известную цель работы Савиньи «О призвании...»: его возражение против предложения Тибо, предлагавшего именно разработать уложение, когда, по мнению Савиньи, не только народные убеждения были недостаточно развиты, но и возможные составители этого законопроекта, т. е. ученые, были еще не готовы к этой работе.¹¹⁹

Во-вторых, исторический метод¹²⁰ и ряд теоретических положений исторической школы Лешков творчески применил к русскому праву. Во вступительной части к истории общественного права он пишет: «Убеждениями и понятиями управляются народы, которые в различной степени сознают идеи своей человеческой природы... история права есть история идей...».¹²¹ Внесенный Лешковым творческий элемент заключался не только

¹¹⁵ Лешков В. Н. Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII века // Лешков В. Н. Русский народ и государство. М., 2010. С. 111–112.

¹¹⁶ Там же. С. 43–45.

¹¹⁷ Там же. С. 49.

¹¹⁸ Русский вестник. 1861. № 12. С. 114, 115. — Цит. по: Каплин А. Д. Предисловие. С. 20.

¹¹⁹ Савиньи Ф. К. фон. О призвании нашего времени к законодательству и юриспруденции. С. 204–206. — О необходимости учета «народных», «практических» потребностей при развитии права Савиньи пишет, определяя свой исторический метод (Там же. С. 186–187).

¹²⁰ См.: Лешков В. Н. Еще о русском воззрении на науку и начале общинности в Древней России // Лешков В. Н. Русский народ и государство. С. 34–36.

¹²¹ Лешков В. Н. Русский народ и государство. С. 78. — Этот вывод Лешкова очень близок воззрениям Савиньи. Параллель с первой частью этого вывода образует одно из основных философско-правовых положений «О призвании...»: «Право как язык живет в сознании (*Bewusstsein*) народа... Эта эпоха юности народа бедна на понятия, однако оно обладает ясным сознанием (*Bewusstsein*) своих состояний и отношений, оно чувствует

в национальной специфике, но и в сфере применения. Дело в том, что основатели исторической школы применяли свою теорию, главным образом, к частному праву, а Лешков сосредоточился прежде всего на той сфере, которую в ту эпоху называли полицейским или общественным правом. Совершенно точного аналога этой сферы в современных системах права нет. Наиболее близкими понятиями могли бы быть: публичное право,¹²² административное право и общественное устройство. Однако Лешков понимает общественное устройство широко, в определенном смысле системно: оно включает в себя семью, общину, церковь, местное самоуправление, народное просвещение, народное здравоохранение, а также правовые институты социального страхования, свободы передвижения, свободы слова и др.

Анализируя высказывания Лешкова о значении государства, необходимо иметь в виду специфику этого понятия в его учении. Следуя отчасти характерному для Гегеля этатистскому подходу, русский ученый обнаруживает влияние Савиньи. Так, продолжая философско-правовую линию последнего, Лешков считает, что в отличие от Древнего мира главнейшим действующим элементом в истории средневековых обществ был именно народ с его составляющими, частными лицами и их соединениями по единству образа жизни.¹²³

Одно из таких «соединений» было для Лешкова особенно дорого. Развивая положения Савиньи, касающиеся сословия юристов, он, как никто другой, активно содействовал возникновению этого сословия в России: он был редактором первых периодических изданий для юристов;¹²⁴ по его инициативе в 1875 г. был создан первый съезд русских юристов.¹²⁵ До сих пор актуальный опыт Лешкова по формированию самосознания юристов как особого сословия и развитию средств формирования воли этого сословия еще ждет своего изучения.

С одной стороны, очевидно, под влиянием Гегеля Лешков утверждает: «Государство новой истории не есть только форма жизни, сосуд жизни, а сама жизнь и дух, сила и деятельность».¹²⁶ С другой стороны, исходными для этого определения являются два тезиса Лешкова. Во-первых, государство есть явление народной жизни, есть жизнь народа и народ в его

и переживает их целостно и полно, в то время как мы в нашем искусственно запутанном бытии поработаны нашим собственным богатством, вместо того, чтобы пользоваться им и господствовать над ним... при повышении культуры всякие *виды* деятельности в народе все более разделяются *друг от друга*, и то, чем раньше занимались совместно, выпадает теперь на долю отдельных сословиям. В качестве такого отделившегося сословия появляются теперь также юристы» (*Savigny F. C. v. Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. S. 9, 12*). Определение Лешкова «история права есть история идей» является его самостоятельным суждением. Косвенное влияние Савиньи на это суждение можно лишь предполагать. По крайней мере, в своих ранних лекциях он вводит методологическое правило исследования источников права: необходимо выявить ход развития идеи, мысли (*Ideengang*) (*Savigny F. C. v. Einleitung zu den Institutionen 1803/1804. Nachschrift J. Grimm // Savigny F. C. v. Vorlesungen über juristische Methodologie 1802–1842. Herausgegeben und eingeleitet von Aldo Mazzacane. S. 200*).

¹²² Однако труды В. Н. Лешкова в полной мере не покрывают эту сферу. Кроме этого он тщательно исследует также семейное право.

¹²³ Лешков В. Н. Русский народ и государство. С. 48.

¹²⁴ «Юридической газеты» (1866–1867) и «Юридического вестника» (1871–1880) (Хохлов Е. Б. Вступительная статья // Лешков В. Н. Русский народ и государство: История русского общественного права до XVIII века. СПб., 2004. С. 9).

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Лешков В. Н. Русский народ и государство. С. 49.

общей, органической жизни;¹²⁷ во-вторых: «Только о новом государстве, о государстве новой истории можно сказать, что оно есть то единство народа, которым человеческие идеи проводятся в жизнь, осуществляются и возводятся в значение объективных начал и законов».¹²⁸ Учитывая факт знакомства Лешкова с учением Савиньи, можно утверждать, что, формулируя эти тезисы, он опирался на определение государства, данное Савиньи:

«Народ, которому мы как невидимому естественному единству почитали необходимым приписать (*zuschreiben mussten*¹²⁹) неопределенные границы, не существует, однако нигде и ни в какую эпоху... абстрактным образом. Напротив, в нем действует неукротимое стремление обнаружить невидимое единство в видимом и органическом облике (*Erscheinung*). Этим телесным образом (*leibliche Gestalt*¹³⁰) духовной народной общности является государство (курсив Савиньи. — В. Б.), и им одновременно задаются четко определенные границы этому единству.

Если мы теперь зададим вопрос о возникновении государства, то, точно также, как об этом было сказано выше о праве вообще, это возникновение мы считаем необходимым установить в высшей необходимости, в силе, осуществляющей образование (как права, так и государства. — В. Б.) изнутри (*von innen heraus bildende Kraft*¹³¹); и, заметим, это касается не только бытия государства вообще, но также своеобразного образа, который государство носит на себе в каждом народе. Ведь сотворение (*Erzeugung*) государства является видом правотворчества (*Rechtserzeugung*) и даже наивысшей ступенью правотворчества (*Rechtserzeugung*)».¹³²

В нескольких существенных аспектах воззрения Савиньи и Лешкова различаются. У Савиньи из полного раскрытия тезиса «государство есть «органический облик (*Erscheinung*) народа»»¹³³ вытекает, что «органичность», «единство» и другие характеристики, свидетельствующие о здоровье, гармоничном соотношении государства и народа, имелись в прошлом, особенно в республиканскую эпоху Древнего Рима. К современному состоянию этих отношений Савиньи относится критически, но конструктивно: обширной программой преодоления недостатков современного ему немецкого правоведения, главным образом цивилистики, можно считать его работу «О призвании...». По Савиньи, лишь после выполнения этой программы правоведение способно позитивно воздействовать на решение политических задач (а именно формирование единой немецкой нации).

¹²⁷ Там же. С. 45.

¹²⁸ Там же. С. 49.

¹²⁹ В переводе Г. Жигулина это выражение звучит иначе: «вынуждены были приписать» (*Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права. С. 286*). По нашему мнению, модальность «вынужденности» здесь отсутствует. Напротив, Савиньи не вынужден, а убежден и поэтому считает необходимым приписать народу самому по себе неопределенные границы. См., однако, ниже.

¹³⁰ Г. Жигулин перевел этот термин как ««телесная» форма» (Там же. С. 286). На этот, в принципе, допустимый вариант перевода указанного термина мы указали только потому, что переводчик взял термин «телесная» в кавычки без всякого основания. В оригинале кавычки здесь отсутствуют. Характеристика «телесный» (*leiblich*) была в ту эпоху не метафорой, а распространенным юридическим термином. Ср., например, термин *leibliche Gewere* — «телесное германское владение».

¹³¹ Этот термин Г. Жигулин перевел несколько иначе (Там же. С. 286).

¹³² *Savigny. System. S. 21–22.* — Ср.: *Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права. С. 286–292; Савиньи Ф. К. фон. О призвании нашего времени к законодательству и юриспруденции. С. 131–135.*

¹³³ *Savigny. System. S. 13–32 (особенно S. 22); S. 34–50.*

Лешков же, напротив, как указывалось выше, вероятно, под влиянием Гегеля, исходным пунктом позитивной динамики в общественном устройстве считает государство новой истории.¹³⁴

Широта предметного спектра, глубина познания названных общественных явлений, попытки исследования «психологии» народной жизни и взаимодействия общественных институтов позволяют утверждать, что Лешков в своих трудах пытался сочетать те типы правопонимания, которые в современную ему эпоху проходили стадию становления в Западной Европе.¹³⁵ Основу его правопонимания образует учение Савиньи. Значительная часть прочих влияний и собственных философских и теоретических положений Лешкова согласуется с этим учением, другая же часть — нет. Ввиду этого причисление Е. Б. Хохловым Лешкова к последовательным сторонникам и «ревнителям» исключительно исторической школы права¹³⁶ является преувеличением.

Разнородность испытанного Лешковым влияния имела свою позитивную и негативную стороны. Благодаря творческой переработке нескольких правовых учений и собственным глубоким исследованиям Лешкову удается обнаружить сложные детали «субъектов общественного права»,¹³⁷ установить и проанализировать их связи и движения.¹³⁸ Его философские и теоретические оценки имели бы большую глубину и целостность, если бы не вера этого ученого в прогресс общественного развития, а также наслоения рационалистического, позитивистского, этатистского и абстрактно-спекулятивного подходов к праву.¹³⁹

Говоря о творчестве Лешкова, нельзя не отметить то, что описанная им общественная сфера была не только его академическим интересом: русский народ и проблемы общественного устройства определенно захватили весь его душевный мир. В своих многочисленных публицистических произведениях и активной общественной деятельности он отстаивал подкрепленные научным познанием славянофильские убеждения,¹⁴⁰ генезис которых определяется влиянием Савиньи и исторической школой права. Это заключение позволяет сделать несколько выводов.

¹³⁴ Лешков В. Н. Русский народ и государство. С. 49.

¹³⁵ Каплин А. Д. Предисловие. С. 20.

¹³⁶ Хохлов Е. Б. Вступительная статья С. 20, 29.

¹³⁷ Лешков В. Н. Русский народ и государство. С. 60–61.

¹³⁸ Не потеряло актуальности, например, суждение Лешкова, высказанное им относительно форм «призрения», т. е. социального обеспечения. С нашей же точки зрения, это суждение Лешкова до сих пор применимо не только к сфере социального обеспечения, но и ко многим другим сферам права, где возникает проблема разграничения между «личным» и «государственным»: «Исключительно личное — слабо, недостаточное; исключительно государственное ведет к апатии, убивает развитие» (Там же. С. 67).

¹³⁹ Подтверждением влияния названных воззрений являются выстроенные в одну цепь следующие суждения В. Н. Лешкова. Одно из свидетельств наличия у него этатистских симпатий: «...государство есть общество для постепенного воплощения всех идей человеческих» (Там же. С. 63). Верно понял исторический метод, именно его он требует «для понимания права, а не исторического права» (Там же). Также верно его заключение о том, что «не все, что было... в истории, должно существовать всегда... Обстоятельства меняются, жизнь развивается...» (Там же). Однако, заканчивая это предложение, В. Н. Лешков проявляет себя как сторонник антиисторичной веры в торжество разума, в непрерывный прогресс духовного, культурного и общественного развития: «...образование растет, убеждения делаются более и более разумными, все это изменяет начала общества и государства» (Там же).

¹⁴⁰ Каплин А. Д. Предисловие. С. 12–19, 26.

Во-первых, важную проблему можно обнаружить благодаря результатам, полученным А. Д. Каплиным, который установил, что «наследие Лешкова ждала непростая судьба»: уже в 1920-е годы о В. Н. Лешкове даже многие юристы и историки не только не знали, но и не встречали его имени.¹⁴¹ В советскую эпоху, по мнению А. Д. Каплина, такому забвению во многом способствовали советские ученые, видевшие в Лешкове чужака и противника.¹⁴² Правопониманию этих ученых определенно противоречило одно сохраняющее свою теоретическую ценность высказывание Лешкова. В 1858 г. им было сделано глубокое обобщение, сочетающее в себе происторический и глубоко философский, консервативный и либеральный, просоциальный и антикоммунистический элементы: «Мы слишком много ожидаем от разделения труда и индивидуальной деятельности; требуем простора для физических лиц и стесняем свободу их соединений, обществ, забывая указания опыта и истории, что вне общества отдельные лица бессильны и ничего не смогут; что для успеха в деятельности они сами составляют частные общества, товарищества; что интересы и деятельность отдельных лиц только материальны, кружатся в одной сфере полезного и что самая сфера полезного, материального, не приуроченная к семействам, обществам, сословиям, поколениям, некогда не вырастет в народное богатство. Восхождение частного до общественного и общественного до признания со стороны государства и до его обращения в общественное право должно считать необходимым и разумным. Тем более что только таким восхождением порешается естественный и вечный антагонизм, существующий между общим, вырождающимся в коммунизм, и частным, превращающимся в индивидуализм. Наконец, только такое участие закона и государства в деле замирения частного с общим теряет свое значение опеки и патронатства и принимает характер управления, производящего гармоническое слияние частного с общим в государстве».¹⁴³

Как мы видим, не против «частного» или «общего» выступает здесь Лешков, а против вырождения первого в коммунизм, а второго — в индивидуализм. Согласно верной интерпретации Е. Б. Хохлова, говоря об «индивидуализме», Лешков критикует старую теорию естественного права с ее атомарно-индивидуалистическим пониманием человека и его прав, считая, что человек действует не только индивидуально, но и через общество.¹⁴⁴ Другим объектом критики Лешкова является так называемое марксистское правопонимание, которое возникало как раз в годы его работы над монографией «Русский народ и государство». В советскую эпоху уже одна критика коммунизма как «вырождения» «общественного» была способна вызвать негативную реакцию. Для той эпохи, разумеется, неприемлемо было мнение Лешкова о возможности замирения частного с общим посредством «участия закона и государства». Ведь из этой позиции следовало отвержение одной из основных догм марксизма, исходящего из

¹⁴¹ Там же. С. 24. — Так же считает Е. Б. Хохлов (*Хохлов Е. Б.* Вступительная статья. С. 23).

¹⁴² *Каплин А. Д.* Предисловие. С. 12–19, 26. — Судьба наследия Лешкова оказывается, таким образом, очень похожей на судьбу наследия Савини.

¹⁴³ *Лешков В. Н.* Русский народ и государство. С. 60. — На это высказывание Лешкова обратил внимание Е. Б. Хохлов, справедливо оценив его мысли как провидческие (*Хохлов Е. Б.* Вступительная статья. С. 25). Для нас кроме содержательной стороны это высказывание представляет интерес с точки зрения генезиса идей Лешкова.

¹⁴⁴ *Хохлов Е. Б.* Вступительная статья. С. 24–25.

того, что для «замирения частного с общим» якобы необходима революция. В этом аспекте Лешков вновь оказывается ближе к Савиньи, чем к Гегелю.

Во-вторых, в литературе существуют различные мнения относительно историко-философских источников славянофильства. Широко известно, например, суждение Н. А. Бердяева, который обнаружил, что центральная для славянофилов идея органичности взята ими у немецких романтиков.¹⁴⁵ С этой точкой зрения необходимо согласиться, принимая во внимание, однако, родственность этой идеи восходящим к святоотеческим традициям русским национальным идеям.¹⁴⁶ В современной литературе имеется попытка уточнения указанного тезиса именно в связи с творчеством Савиньи. Согласно О. А. Омельченко, «многое из того, что... в России связывалось с неким абстрактным “славянофильством”... на самом деле было порождено научным романтизмом и поисками исторической школы права (курсив автора. — В. Б.)».¹⁴⁷ Этот вывод в полной мере верен только в отношении Лешкова. Несмотря на большую близость воззрений некоторых славянофилов идеям немецких сторонников исторической школы права в вопросах, касающихся государства и права и философско-правовых положений,¹⁴⁸ данных относительно других видных славянофилов недостаточно, чтобы настаивать на непосредственном влиянии на них немецких правоведов. Другой, хотя и близкий к указанным выше, более точный тезис можно сформулировать так: именно те немецкие философы, идеи которых вдохновили Савиньи и его сторонников, значительно повлияли также и на славянофилов. Степень влияния является предметом самостоятельного исследования применительно к каждому конкретному мыслителю. Тем не менее приблизительный общий круг «источников» исторической школы права и славянофилов может быть очерчен: христианское мировоззрение, Фихте, Шеллинг, Якоби,¹⁴⁹ Шлейермахер,¹⁵⁰ Шиллер.¹⁵¹ Приходится сожалеть о том, что основоположники славянофильства, хорошо зная своих немецких учителей, в качестве своего основного оппонента нередко называли абстрактный «Запад» («Европу», «европейские народы» и т. п.), представляя его как единую массу, олицетворяющую зло, часто не проводя четких разграничений между различными философскими направлениями.¹⁵² Последующие поколения русских идеологов и политиков часто

¹⁴⁵ Бердяев Н. А. Русская идея. СПб., 2008. С. 71.

¹⁴⁶ Зеньковский В. В. История русской философии. С. 244–245, 248, 253–254, 261, 275–276.

¹⁴⁷ Омельченко О. А. Ф. К. Савиньи и манифест исторической школы права (вступительная статья) // ФЕМИС. Ежегодник истории права и правоведения. М., 2002. С. 150.

¹⁴⁸ Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов. М., 2010. С. 199–202.

¹⁴⁹ Зеньковский В. В. История русской философии. С. 226, 228–229, 246.

¹⁵⁰ Там же. С. 244.

¹⁵¹ Там же. С. 245.

¹⁵² Н. А. Бердяев предлагает верное объяснение пониманию «Запада» славянофилами: «...они борются с западным рационализмом, в котором видят источник всех зол» (Бердяев Н. А. Русская идея. С. 71). Он же верно указывает на отмеченное нами противоречие славянофилов: «Борьба против западного рационализма была уже свойственна немецким романтикам, Фр. Шлегель говорил о Франции и Англии, Западе для Германии, то же что славянофилы говорили о Западе, включая в него Германию» (Там же). Большую ценность имеет наблюдение В. В. Зеньковского: «...у нас проблема “православной философии” все время ставилась все же в противопоставлении западному христианству (курсив автора. — В. Б.), для чего нередко материалы находили в самом же западном христианстве (у протестантских мыслителей и богословов — против

обращались и продолжают обращаться к формуле противопоставления абстрактной России абстрактному же и якобы единому и монолитному Западу.¹⁵³ С точки зрения правовых и политических учений эта формула является слишком большим и потому необоснованным обобщением. «Национальность» правовых учений для правоведов имеет, как правило, второстепенное значение; к приоритетным же задачам для национального правоведения относится выявление возможного или реально имевшего место позитивного и/или негативного действия на правовую систему и общественное развитие России. В эпоху становления российского *национального* правоведения учение Савиньи стало важной частью его философской основы.

В-третьих, в отношении характерного для славянофилов противопоставления России и «Запада» вновь как об исключении необходимо упомянуть Лешкова. Его точка зрения оригинальна, возможно, ввиду влияния учения Савиньи. Позицию Лешкова можно принять только в качестве общего положения, которое часто допускает исключения, однако она представляется нам предпочтительной по сравнению с типичной позицией славянофилов. Лешков убежден, что «народы исчезают только по собственной вине, вследствие духовного расслабления, политического расслабления, нравственного упадка, потери любви и общения, посредством, так сказать, самоубийства».¹⁵⁴ Этот сохраняющий свою актуальность тезис является элементом центральной формулы концепции общественного права, которую Лешков выстраивает, творчески развивая основные положения философии права Савиньи: исходным понятием системы права является субъективное право частного лица, которое всегда должно рассматриваться целостно в органическом правоотношении; изначальным же источником объективного права является народ, его дух, его убеждения; право — это часть культуры народа, и оно тесно связано с другими частями этой культуры; правоведение является самостоятельной наукой; в каждую эпоху в определенном народе правоведение имеет определенное призвание; в народе, его культуре, праве и правоведении нередко возникают «болезненные состояния», избавление от которых в праве является приоритетной задачей правоведения. Эти фундаментальные идеи существенно расширяют «правовую сферу» и, соответственно, предмет правоведения — в противоположность тем узким границам, которые установлены просвещенчески-этицистским правопониманием, а также восходящими к философии права Гегеля воззрениями на правоведение как науку, подчиненную философии, политике, партии, экономике, социологии и т. п.

католицизма, у католических — против протестантизма)» (*Зеньковский В. В.* История русской философии. С. 347). При этом, что касается философов духовных академий, то больше всего им «импонировал Якоби с его критикой рационализма и принципиальным утверждением веры, как особой формы опыта и “непосредственного” знания...» (Там же. С. 346–347). Особенно сильное влияние оказал Якоби на Ф. А. Голубинского (Там же. С. 348, 351–352), теория познания которого очень близка к концепции «живознания» славянофилов. Принципиальный пункт для нашего исследования заключается в том, что из всех философов наибольшее влияние на Савиньи оказал именно Якоби.

¹⁵³ *Спиридонова В. И.* Предпосылки и логика российских трансформаций // Современное государство, социум, человек: российская специфика / Институт философии РАН; отв. ред. В. Н. Шевченко. М., 2010. С. 30–31; *Соколова Р. И.* Современная российская реальность в контексте ее исторического взаимодействия с Западом // Там же. С. 54–101.

¹⁵⁴ *Лешков В. Н.* Русский народ и государство. С. 472.

Развивая эти идеи, Лешков формулирует основы своей концепции общественного права: «Имея своим назначением сохранить и отстоять для народа все то, что добыто им, при посредстве законов установительных, охранительные законы составляют, в системе общественного права, род законов процессуальных... с тем различием, что этот процесс общественного права направляется не против одних действий лиц, даже не против одних лиц, а против природы и целых соединений лиц, иногда против самих обществ, или против всего хода событий в народе... деятельность сохранения, встречаемая у народов или в государствах, имеет своею целью бытие и пользы частного, а своим предметом борьбу народов и государств или общего за их членов, за частные лица, как с природой, так и с лицами, и даже с явлениями самих обществ, враждебно действующих на составных членов народа и государств. Здесь особенно чувствуется потребность в содействии общего на пользу частного и даже необходимость в деятельности общин, корпораций, сословий, народа, государства, на пользу их членов... Но частное, но личность есть также сила и должно иметь свою деятельность и свое право... Законом должна предшествовать деятельность народа, которая служит основанием и объяснением для распоряжений самих законов... Общества существуют для развития личности; общества действуют для охранения личности».¹⁵⁵ Эта концепция Лешкова достойна быть увековеченной в истории российской теории и философии права.

Д. И. Мейер

В постсоветскую эпоху труды основоположника российской цивилистики¹⁵⁶ — Дмитрия Ивановича (Дитриха Иоганновича) Мейера (1819–1856) вновь привлекли к себе внимание российских специалистов по гражданскому праву. О том, что Мейер испытал влияние исторической школы и самого Савиньи, известно. В 1842–1843 гг. он с последней группой стажеров из России¹⁵⁷ обучался в Берлинском университете. Савиньи, правда, к этому времени, уйдя из университета, стал министром законодательства. Мейер слушал лекции соратников Савиньи по исторической школе Пухты и Рудорфа, однако встречался с Савиньи и получил от него напутствия, касавшиеся преподавателей университета.¹⁵⁸

Главным трудом Мейера можно считать его «Русское гражданское право».¹⁵⁹ Сосредоточенная, главным образом, на общетеоретических понятиях, первая часть этого цивилистического произведения — «Вступительные понятия»¹⁶⁰ — очень близка теории права Савиньи. Особенно это касается определений субъективного права, правоотношения; разделения права на публичное и частное, дальнейшего разделения права на отрасли, в частности, определения имущественного права и его разделения

¹⁵⁵ Там же. С. 472–474.

¹⁵⁶ По мнению Н. В. Козловой и П. А. Панкратова, до середины XIX в. науки гражданского права в России не существовало (*Козлова Н. В., Панкратов П. А. У истоков российской цивилистики // Мейер Д. И. Русское гражданское право. М., 2003. С. 9.*)

¹⁵⁷ *Авенариус М.* Савиньи и его русские ученики... С. 115. — Прекращение стажировок студентов из России связывают с усилением реакционной политики царского правительства (Там же).

¹⁵⁸ *Гольмстен А.* Дмитрий Иванович Мейер, его жизнь и деятельность // Мейер Д. И. Русское гражданское право. С. 16–17.

¹⁵⁹ Впервые издано после его смерти в 1859 г. его учеником А. И. Вицыным (*Гольмстен А.* Александр Иванович Вицын // Там же. С. 37).

¹⁶⁰ *Мейер Д. И.* Русское гражданское право. С. 40–51.

на вещное и обязательственное.¹⁶¹ Теория источников права Мейера не противоречит учению Савиньи лишь в общих чертах, касающихся определений и соотношений главных источников права: законов и воззрений народа; а также задач науки, вытекающих из несовершенства этих воззрений и ограниченных возможностей законов.¹⁶² Однако используемое Пухтой и Савиньи понятие права юристов Мейер подвергает также критике,¹⁶³ исходя из того, что оба немецких правоведа считали право юристов самостоятельным источником права. Что же касается Савиньи, то он достаточно подробно раскрывает генезис этого понятия (которое называет «научное право») именно в римском праве. Согласно Савиньи, полностью самостоятельным этот источник права не является: это право возникает посредством научной обработки народного права.¹⁶⁴

Выводы, к которым приходит Мейер в ходе исследования русского имущественного права, лежат в русле учения Савиньи и до сих пор актуальны: «...было бы опасно предоставить установление имущественных отношений в юридическом быту одним юридическим воззрениям, свойственным народу. 1) Юридические воззрения сами собой не сознаются в действительности, а требуется особый процесс для приведения их в сознание... 2) Юридические воззрения, находясь в связи с духом народа... подлежат (также и. — В. Б.) влиянию (определенной. — В. Б.) местности. 3) Юридические воззрения, касаясь интересов людей, вызывают их страсти и заслоняются ими: так склонен человек к самообольщению... иногда положение народа приводит юридические понятия его в состояние дремоты и не дает им дойти до степени ясности... 4) Юридическим воззрениям свойственна неполнота. Вследствие этих недостатков... общественной власти предоставляется задача устранить ту шаткость, которая легко может вкратиться в юридические воззрения народа... Общественная власть выполняет эту задачу изданием положительных законов».¹⁶⁵

Говоря о направлении юридических воззрений народа «сообразно цели существования государства», Мейер, казалось бы, приближается к этатизму Гегеля. Однако он делает здесь существенную оговорку в духе философии романтизма: целью существования государства он считает всестороннее развитие «человеческих способностей в каждом».¹⁶⁶ А завершает свое представление системы источников права, развивая соответствующие тезисы Савиньи: «Все-таки эта деятельность общественной власти второстепенная, дополнительная; она примыкает лишь к тем юридическим воззрениям, которые общественная власть застает уже готовыми. Первая задача ее — держаться юридических воззрений народа, стараться уловить их, коммуницировать... В противном случае образуется двойственное право,¹⁶⁷ право действительной жизни и право кодифицированное: юридический быт не примет определений законодательства,

¹⁶¹ Там же. С. 40–51.

¹⁶² Там же. С. 40–49. — В главе «Источники гражданского права» Мейер подвергает критике отдельные суждения Пухты, придерживаясь во многом более гибкой теории Савиньи (Там же. С. 56–61).

¹⁶³ Там же. С. 98.

¹⁶⁴ Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права. С. 299–301.

¹⁶⁵ Мейер Д. И. Русское гражданское право. С. 45–46.

¹⁶⁶ Там же. С. 46.

¹⁶⁷ Вероятно, влияние понятия Савиньи «двойная жизнь (*ein doppeltes Leben*) права» (*Savigny F. C. v. Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. S. 12*).

противоречащих его воззрениям, и будет следовать своим законам».¹⁶⁸ Переходя к рассмотрению проблем правотворчества, Мейер, как будто специально для наших дней, творчески развивает два положения теории Савиньи. Первое суждение Мейера касается соотношения народа и сословия юристов: «...если законодательство, особенно гражданское, должно быть воспроизведением и вместе с тем очисткой народных воззрений, то все лица, совершающие процесс воспроизведения, должны стоять среди народа и быть пропитаны его понятиями, *разумеется, очищенными, просветленными* (курсив мой. — В. Б.)».¹⁶⁹ Второе касается уровня теоретической подготовки и личных качеств судей как творцов обычного права: «...не всегда обстоятельства благоприятны развитию судебных обычаев: для этого нужно сословие судей, юридически образованных и добросовестных, которые имели бы понятие об обычном праве, не считали бы всего, не определенного законом, предоставленным произволу, не пользовались бы пробелами законодательства для достижения личных целей».¹⁷⁰

В итоге можно утверждать, что основу общетеоретических воззрений Мейера составляет, главным образом, учение Савиньи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наше исследование творчества и деятельности Сперанского и наиболее выдающихся русских учеников Савиньи показывает, что они радикально изменили российское правоведение:¹⁷¹ их коллективным трудом был создан новый «мейнстрим», включающий элементы нескольких философско-правовых направлений и охватывающий все сферы правоведения. В результате их исследовательской, правотворческой, общественной, политической и организационной деятельности к середине XIX в. в России возникло философски и теоретически, методологически и организационно самостоятельное национальное правоведение. Научное познание права в первой половине XIX в. на основе философии и методологии Савиньи позволило отчасти противостоять распространявшейся в России в XVIII в. правовой идеологии Просвещения, идеям абстрактного, не связанного с определенным народом права. Первые русские правоведы пытались решить сложную задачу: реформировать господствовавшую правовую систему и правовую идеологию, не порывая связи с их историческими корнями.

Говоря о влиянии Савиньи на российское правоведение, необходимо подчеркнуть, что произведения рассмотренных русских ученых передавали лишь основные методологические и философско-правовые положения учения Савиньи. Существенное препятствие для исследования генезиса воззрений российских правоведов заключается в том, что далеко не всегда они делали необходимые ссылки на источники своих идей, поэтому по их произведениям нельзя получить верного и полного представления

¹⁶⁸ Мейер Д. И. Русское гражданское право. С. 47.

¹⁶⁹ Там же. С. 48. — Эти суждения Мейера очень близки концепции научного права Савиньи (Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права. С. 299–301, 320–329).

¹⁷⁰ Мейер Д. И. Русское гражданское право. С. 60.

¹⁷¹ Глубина преобразований явствует с очевидностью из сравнения с правовыми учениями предшествующего этапа. Кратко об этом этапе см.: Тимошина Е. В. Политические и правовые учения в век Просвещения // Козлихин И. Ю., Поляков А. В., Тимошина Е. В. История политических и правовых учений. С. 537–558.

о заимствовании ими методологии, философии и теории права Савиньи. Исходя из возможной ограниченности познания ими учения Савиньи или возможного сознательного отвержения ими отдельных его положений, необходимо заключить, что первых русских учеников Савиньи лишь с оговорками можно считать его сторонниками.

Обобщая воззрения рассмотренных правоведов, можно утверждать, что учение Савиньи стало важным, но не единственным элементом философско-правовой основы первого этапа российского национального правоведения. Эту основу образовывали также в значительной мере противоречащие этому учению типичные правовые воззрения эпохи Просвещения и идеи философии права Гегеля. И в российском правоведении вплоть до наших дней можно проследить ход, условно говоря, линий Савиньи, Гегеля и «просвещенческой» линии. В советскую эпоху, исключая правоведов русского зарубежья, линия Савиньи была резко ослаблена внедрением классово-рационалистического подхода, фундаментом которого стало сплетение философии Гегеля и идей Просвещения. Значительное влияние этой философско-правовой основы на российское правоведение и российское право сохраняется. Многие актуальные проблемы отечественной правовой системы и правовой культуры восходят к этому влиянию.¹⁷² Глубина и сложность этих проблем требует адекватных решений: повышения значения правоведения в системе общественных наук и суда в структуре российского общества; обновления исторического, системного и филологического методов в российском правоведении; совершенствования юридического образования. Нахождение этих решений должно сопровождаться критическим осмыслением названной философско-правовой основы. Теоретической и методологической базой для такого осмысления до сих пор могут служить учение Савиньи¹⁷³ и многие положения его первых русских последователей. Отрадно заметить, что в постсоветском российском правоведении, наряду с благотворным нарастанием влияния социологического и неклассических типов правопонимания,¹⁷⁴ значение линии Савиньи хотя и медленно, но увеличивается. Этому способствуют различные факторы: переиздание трудов правоведов досоветской эпохи и русского зарубежья, пристальный научный интерес к этому обширному наследию,¹⁷⁵ переводы трудов Савиньи и исследования его произведений.¹⁷⁶

¹⁷² Среди этих проблем можно назвать само по себе сохранение влияния этатизма, «законодательную горячку», «провалы» в исторической памяти, «манию» заимствования чужеродных институтов (без предварительной научной обработки), особо остро проявившуюся в 1990-е годы.

¹⁷³ Главным образом, ввиду длительного господства этатистского правопонимания в российском правоведении широко распространено применение так называемого спекулятивного метода, критикой недостатков которого занимался Савиньи и его последователи. Подробнее см.: Будилов В. М. Развитие владения и переноса права собственности по договору от древнего германского права к ГГУ: исторический метод против спекулятивного // Вестник гражданского права. № 2. 2012. С. 223–259 (особенно с. 226–228).

¹⁷⁴ Подробнее см.: Поляков А. В., Тимошина Е. В. Общая теория права. С. 48–73.

¹⁷⁵ Редко какое современное произведение, затрагивающее фундаментальные вопросы общей теории или философии права, обходится без ссылок на эти произведения.

¹⁷⁶ В этом ряду необходимо назвать также переводы зарубежных исследований. Относительно методологии Савиньи большое положительное значение имела статья О. Жуанжана: Жуанжан О. «Филологический поворот» в науке права: история и метафизика в работах Савиньи // Правоведение. 2011. № 4. С. 221–235.

Кроме названной «критической» силы наследие Савины в совокупности с наследием его немецких и российских последователей содержит в себе позитивный «потенциал». В подтверждение актуальности исследования исторической школы права Е. Б. Хохлов приводит следующий аргумент: «Остается лишь поразиться парадоксальной ситуации: В. Н. Лешков, этот ревнитель¹⁷⁷ “устаревшей” исторической школы права, славянофил, обращенный в прошлое, в своих научных построениях... оказался гораздо более прозорлив в сравнении с многочисленными российскими прогрессистами, увлеченность которых... новыми западными теориями явилась одним из факторов, приведших... к невиданному “патронатству” социалистического тоталитарного государства над всеми сферами жизни общества».¹⁷⁸

Эта верная оценка нуждается в обстоятельном анализе и расширении (что должно быть целью специальных научных работ), поскольку история права, правовых учений и реального общественного развития показывает, что множество (отчасти рассмотренных в настоящей статье) проблем, исследованных основоположниками русского правоведения, и разработанных ими понятий не перешли и, вероятно, еще долго не перейдут в категорию исторических, т. е. продолжают отражать в двояком смысле актуальные явления правовой сферы.

¹⁷⁷ О нашей корректуре этой характеристики Лешкова см. выше.

¹⁷⁸ Хохлов Е. Б. Вступительная статья. С. 29.